

ИЗВЕСТИЯ
ТАВРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

(БЫВШ. ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ)

ТОМ III (60-й)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
СЕКРЕТАРЯ О-ВА
Н. Л. ЭРНСТА

СИМФЕРОПОЛЬ
1929

Старо-Крымские надписи

(По раскопкам 1928 г.)

Археологическая экспедиция 1928 года в Старом Крыму дала интересный эпиграфический материал.¹ Раскопки предыдущих 1925—26 гг. дали 145 номеров, 1928 год дал 175 отдельных надгробий, стел и фрагментов. Из этого материала 65 с надписями на арабском языке, немногие на старо-тюркском. 15 из них датированы концом XIII и первой половиной XIV вв.

В черте города удалось обнаружить древнее татарское кладбище

1. Зеленая площадь в Старом Крыму, где найдено кладбище XIV в.

Зеленой площади, где большинство надгробий оказалось в земле; кое-где виднелись на поверхности земли небольшие части стел (рис. 1). Они послужили для экспедиции знаками для ориентации. После топографической съемки и фотофиксации местности были произведены раскопки, которые на глубине, в среднем, одного метра дали 18 экземпляров надгробий XIV и начала XV в.

Обращает на себя внимание одна общая черта памятников: все они выполнены с художественной и технической стороны отлично, что выявляет высокую технику тогдашних мастеров; по формам заметно большое разнообразие, многие украшены рельефной орнаментикой, которая хорошо вяжется стилистически с сочно трактованными и хорошо скомпонированными надписями.

По характеру надгробные стелы, на которых высечено большинство

¹ Настоящая экспедиция являлась продолжением экспедиций 1925—26 гг. В работах по раскопкам принимали участие, кроме автора этой статьи, У. А. Боданинский, архитектор П. И. Голландский и археолог Н. Л. Эрнст.

надписей, делятся на два типа: плоские со стрельчатым или килевидным верхом неизменно принадлежали женщинам (рис. 2 и 3); круглые, или восьмигранные с фигурным верхом, в виде остроконечной шапки разнообразных форм — мужчинам (рис. 4, 5 и 6). Эта любопытная традиция деления памятников по полу с приданием им особых архитектурных форм наблюдается на протяжении всего XIV в. на всех золотоордынских намогильных памятниках Старого Крыма. До последнего времени татарские могильные памятники, женские и мужские, отличаются, но лишь по головным уборам, в виде форм мужской чалмы или плоской женской шапочки-фески.

Огромное большинство надписей — на арабском языке; преобладает стиль письма „сулюс“ золотоордынской трактовки; позд-

2. Образец женского надгробия.

3. Женская могила на Зеленой площади.

нейшие письма меняют свой характер, становятся вытянутыми, сухими, не так превалируют над фоном. Небольшое количество надписей на джагатайском наречии. Между прочим, на одном саркофаге (№ 295 по описи) имеется четверостишие на джагатайском наречии; содержание его навеяно пессимизмом мусульманской религиозной философии. По формам языка — это любопытный фрагмент тюркского языка XIV в.

Самая старая дата найденных в 1928 году памятников — 690 г. геджри = 1291 хр. э. (рис. 7). Дата эта принадлежит фрагменту (№ 191), найденному в подземном купольном погребальном склепе, на участке бывш. Арманова, в северной части линии городских стен. Надписи и рельефная орнаментация, несколько грубовато исполненные, сохранились довольно хорошо.

На памятниках попадаются, как и раньше, наряду с мусульманско-арабскими чисто турецкие имена (Тутук, Бахши, Тогай-хатун); среди фамилий попадаются: Эт-Токати, Эс-Сиваси, Эт-Тебризи, Эль-Дженди, что указывает на связи золотоордынского центра с Арменией, Малой Азией, Персией и Средней Азией. Действительно, в XIV в. наблюдаются оживленные торговые сношения Крыма с мусульманским Востоком; по этим же путям шла интенсивная мусульманская религиозная пропаганда из крупных малоазиатских, персидских и среднеазиатских центров.

Среди арабских имен на памятниках встретилось—имя Хусам-Эд-Дина, шейха—служителя бедных (№ 223 по описи). Такое имя мы встречаем у Ибн-Батуты,¹ но только перед этим именем у него стоит „и м а м“ и фамилия „Эль-Бухари“ (из Бухары). Конечно, трудно сказать, одно ли

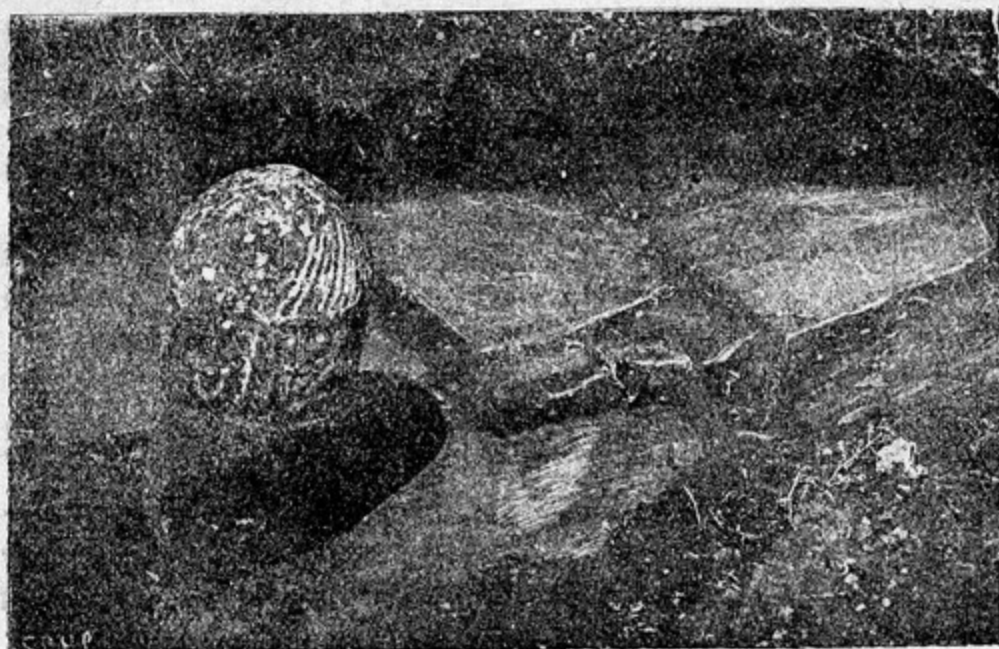

4. Образец мужской надгробной стелы.

5. Образцы мужских надгробных камней.

это лицо, тем более, что Ибн-Батута встретился с имамом Хусамеддином в Сарае, а наш похоронен в Старом Крыму. Но тут важно то, что, по-видимому, это один из видных представителей суфийского ордена, явля-

6. Мужская могила на Зеленой площади.

ющийся под именем „служителя бедных“ проповедником-агитатором мусульманства в крупном торговом центре золотоордынского государства. Эти духовные проповедники находились в тесных взаимоотношениях с тогдашним правящим классом крупных феодалов и часто были связаны с ними близкими семейными узами. Традиции эти наблюдались в Крыму

¹ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относ. к истории Зол. Орды, т. I, стр. 296 СПб. 1884.

до предреволюционного времени: шейхи и их сыновья женились на дочерях татарской аристократии (беев и мурз) и наоборот.

Наряду с татарскими памятниками найдена плита с древне-еврейской надписью, датированной 5311 годом библ. эры = 1550 хр. эры.¹ Памятник этот (№ 296) найден на поверхности земли холма Ногайлы-оба на территории заброшенного еврейского кладбища. Это обстоятельство лишний раз подтверждает пребывание в Старом Крыму в эти времена еврейской общины. По рассказу местных жителей, эта плита была перенесена на место находки с другого еврейского кладбища в Старом же Крыму, ныне совершенно исчезнувшего.

В конце приложенных к настоящему обзору надписей, найденных в 1928 г., даются тексты двух мраморных надгробных плит прекрасной работы. Найдены они были во время раскопок 1925 года в развалинах мавзолея на территории медресе XIV в. у мечети „Узбека“.² Надгробные плиты эти были тогда же отправлены в Бахчисарайский музей, и поэтому имеющиеся на них надписи не вошли в первую мою статью, посвященную Старо-Крымским надписям.³ В настоящее время письмена на этих надгробиях разобраны; оба памятника посвящены женщинам, и, судя по титулу „хатун“, одна из них принадлежала к знатной семье. На другой плите прочитано имя „Эр-Султан“, дочь какого-то бека, имя которого полностью не разобрано. Так как обе эти женщины были похоронены в роскошной обстановке в специальном дюрбе на территории медресе, то из этого можно заключить, что они имели какое-то отношение к строителям медресе, являясь позднейшими представительницами их рода. Подобные традиции имели место в Турции, Средней Азии и в Крыму.

7. Фрагмент саркофага с датой 690 г. (=1291 г.).

Все камни с издаваемыми здесь надписями хранятся в г. Старом Крыму в хранилище древностей, за исключением упомянутых двух последних, хранящихся в Бахчисарайском дворце-музее. Все фотографии — Н. Л. Эрнста.

Тексты и их переводы

(№№ памятников по описи)

146	هذا القبر المرحوم قطب الدين بن بيران	146. Могила покойного Кутб-Эд-Дина, сына Байрама.
148	هذا قبر المرحوم محمد حاجي بن موسى	148. Могила покойного Мухаммеда хаджи, сына Мусы.
150	هذا قبر حاجي احمد بن شهاب الدين	150. Могила Хаджи Ахмеда, сына Шахаб-эд-дина.
151	هذا القبر (. . . .) ابن شيخ احمد نورالله قبره	151. Могила [. . . .] сына Шейха Ахмеда, да освятит бог его могилу.
152	هذا قبر بايرام بيكه بنت توقتمور	152. Могила Байрам-бике, дочери Токтемура.

¹ Надпись прочитана гебраистом И. С. Кая в Симферополе.

² И. Н. Бороздин. — Солхат. Москва. 1926 г. Изд. НАВ. Стр. 28 — 29. Его же статья „Крым в беге столетий“, журн. „Вестник знания“, 1926 г. № 15, стр. 975.

³ Известия Тавр. о-ва ист., арх. и этнографии, т. I. (58), 1927.

- 154 . . . . . فى تاريخ سنة . . . . . 154. В год . . . . .
- 155 . . . . . ثمانين . . . . . سبعما . . . . . 155. 780 г. (=1378 г.).
- 156 . . . . . فى تاريخ . . . . . بمان . . . . . 156. ???8 г. (?)
- 157 . . . . . فى تاريخ سنة اثنى و
ثمانين و سبعمائہ 157. В год 782 (= 1380 г.).
- 158 هذا قبر المر . . . . . بنت
عبدالله 158. Могила . . . . . дочери Абдуллы.
- 159 هذا قبر المرحوم السعيد 159. Могила покойного счастливого му-
الشهيد حاجى حسن بن عمر ченика Хаджи Хасана, сына Омера.
- 160 هذا قبر ساوس ملك (?) 160. Могила Савус-Мелека (?) до-
ب . . . . . чери . . . . .
- 161 . . . . . خاتون بس محمد . . . . . 161. . . . . хатун дочь Мухам-
меда . . . . .
- 162 هذه القبر خاتون . . . . . 162. Могила Хатун . . . . .
- 165 من سه تسع و ثمانين
و سبعمائہ 165. 789 г. (= 1387 г.).
- 166 فى تاريخ سنة 166. Дата . . . . .
- 168 فى تاريخ صفر سنة
خمس و ستين و سبعمائہ 168. Дата: Сафар, 765 г. (= 1360 г.).
- 171 تاريخ . . . . . و ثمانمائہ 171. Дата . . . . . 8?? г. (= . . . . . г.).
- 173 . . . . . فوره الشه . . . . . 173. . . . . мученицы Хур-хатун,
حور خاتون بنت شعبان дочери Шаабана.
- 176 هذا قبر المرحوم ابراهيم
بن حاجى . . . . . 176. Могила покойного Ибрахима, сына
Хаджи.
- 184 هذا التربه . . . . . ن حا . . . . . 184. Могила . . . . .
- 185 هذه روضه حا . . . . . الله 185. Могила . . . . . Х . . . . . аллах бек,
بك در ماه ربيع اول месяца Ребии-эввель.
- 187 (1) . . . . . الفنا و الاخرة 187. 1) . . . . . есть тленный, тот мир
دار البقا صدق رسول الله قال есть вечный. Правду сказал посланник
النبي عليه السلام божий. Сказал пророк—да будет над ним
2) . . . . . رسول الله هذا قبر мир . . . . .
المرحومه المغفوره تغاى 2) . . . . . посланник божий. Могила
خاتون بنت . . . . . القريمى покойной, прощенной Тогай хатун, до-
чери . . . . . Эль-Крыми.
- 188 فى تاريخ شهر رمضان سنة 188. Месяца Рамазана 813 г. (=1410 г.).
ثلاث و عشرين و ثمانمائہ
- 189 تاريخ سكينز يوز يكرمى اوچدا 189. 823 г. (= 1420 г.).
اينلدى
- 190 قبر . . . . . بيك التوقانى 190. Могила . . . . . бик Токатского, про-
الهم اغفر لصاحبه сти его, господи!
- 191 (1) هذا روضةالم . . . . . 191. Могила . . . . . 690 г. (= 1291 г.).
(2) تاريخ سنة تسعين و ستمائہ

- 193 . . . . . علي بن شه . . . . . الدين 193. . . Али, сын Шех . . . Эд-Дина.
- 194 هذا قبر المرحوم حاجي بن نعمان 194. Могила покойного Хаджи, сына Но'мана.
- 195 هذا قبر المرحوم . . . . . 195. Могила покойного . . . . .
- 197 هذا قبر المرحوم بوبوق (?) بن بخشى عبد . . . . . 197. Могила покойного Тутук (?) сына бахши Абд . . . . .
- 198 . . . . . المرحوم عبدالله بن حاجي . . . . . 198. . . . . покойного Абдуллы, сына Хаджи . . . . .
- 199 تاريخ ربيع اول تسع و ثمان . . . . . 199. Дата: Реби-аль-эввель, 809 г. (или ?89).
- 200 هذا قبر حاجي محمود بن احمد خواجه 200. Могила Хаджи Махмуда, сына Ахмед ходжа.
- 202 العبد الضعيف ايلياس بك ابن خضر شعبان 202. Раб бессильный, Ильяс-бек, сын Хыдыр Ша'абана.
- 203 1) هذه روضة سلما بنت سليمان المولى 203. 1) Могила Сельма, дочери Сулеймана Эль-Мевля.
2) هوزحر الاحسن (?) 2) (?) (Не поддается расшифрованию).
- 204 مات في شهر . . . . . من سنة تسع و ثمانين و سبعمائاه 204. Умер в месяц . . . . . 789 г. (= 1387 г.).
- 204 هذا قبر حسين بن عيواض القريمي 205. Могила Хусейна, сына Айваза Крымского.
- 206 . . . . . القريمي . . . . . 206. . . . . Крымский . . . . .
- 214 هذا قبر المرحومه فاطمه بنت حسين 214. Могила покойной Фатымэ, дочери Хусейна.
- 215 . . . . . ن و سبعمائاه . . . . . 215. ??? (= 13?? г.).
- 217 في تاريخ . . . . . 217. Дата . . . . .
- 218 في تاريخ سنة ست و تسعين و سبعمائاه 218. Дата: 796 (= 1393 г.).
- 220 هذا قبر خاتون . . . . . 220. Могила хатун . . . . .
- 221 هذا قبر . . . . . بنت . . . . . 221. Могила . . . . . дочери . . . . .
- 222 المرحومه . . . . . خاتون نورالله 222. . . . . Покойной . . . хатун . . . да осветит бог . . . . .
- 223 هذا قبر خادم الفقرا شيخ حسام الدين عفا عنه 223. Могила служителя бедных, шейха Хусам-Эд-Дина, да будет он прощен.
- 224 هذه روضة المرحوم والمغفور توفى صوفى بن حسين 224. Могила покойного прощенного Ток-Суфи, сына Хусейна.
- 225 ابن تاج لدين التبريزى في عاشر صفر سنة تسعين و سبعمائاه 225. Сын Тадж-Эд-Дина Тебризского, 10-го Сафара, 790 г. (1388 г.).
- 226 هذا القبر عيسى ابن حسن القريمي 226. Могила Исы, сына Хасана Крымского.

- 227 هذه روضة المرحوم و المغفور . . . . . 227. Могила покойного и прощенного сына Эседа Сивасского.
- 231 هذه الروضة المرحوم حاجي فخرالدين . . . . 231. Могила покойного Хаджи Фахр-Эд-дина . . . .
- 234 (1) هذا قبر داود بن حاجي احمد الجندی 234. 1) Могила Давуда, сына Хаджи Ахмеда Джендского.
(2) في تاريخ ربيع الاول 2) Дата: Реби-аль-эввель, 777 г. (= 1375 г.).
- 235 (1) هذه القبر المرحومه ببيرام بنت حاجي ملك خوجه 235. 1) Могила покойной Бейрам, дочери Хаджи-Мелек-Ходжа.
(2) سكينز يوز اون سكرده 2) 818 года (= 1415 г.).
- 273 . . . . . Эль-ахир . . . . . ??3 г. (?)
- 275 . . . . . عنده الا باديه بعام ما 275. (Часть престольного стиха из корана).
- 288 تاريخ . . . . . تسعين و سبعمائه 288. Дата: 790 г. (= 1388 г.).
- 289 هذا قبر العالم سد 289. Могила ученого Сейида . . . . .
- 295 (1) . . . . . سد حيدر 295. 1) . . . . . дочь Хайдера.
(2) بقا تور دوم جهان نينك يوق بقاسي 2) Обозревал(а) я мир, но видел(а), что он не вечен. Что смотреть на мир, который не вечен?
(3) اجل بير كون سكا كونكلار كجيسا (?) 3) Придет смерть и уйдут твои дни. Останется ли хоть что-нибудь от твоих деяний!?
- 296 פה נקבר הזקן זר יצחק 296. Здесь похоронен почтенный старик Исаак, сын почтенного Авраама,—да будет память о нем благословенна,—который скончался в святую субботу, в 3-й день первого Адара, лета 5311. Да будет душа его связана связью живых!
זכר אברהם זל שנפטר
שבת קד לאדר ראשון שנת
השיא ליצירה תזלזה (= 1550 г.).¹
- 297 (1) . . . . . и все люди должны испить ее. Мир есть нива будущего . . . . .
(2) Чубан (?), да осветит бог . . . . . Умер месяца Джемеди-эль-ах . . . . . лета ??4=(?).
- 303 هذه تربه سك نسب سد شيخ حسن 303. Могила Бик-Несеб (?), дочери Шейх-Хасана.
- 313 تاريخ . . . . . لاث و ستين و سبعمائه 313. 763 г. (= 1361 г.).
- 315 تاريخ سكينز يوز يكرمي سكينزده شهر 315. 828 г. (= 1424 г.).
- 316 قبر المرحوم المغفور مردان بن . . . . 316. Могила покойного прощенного Мердана, сына . . . .

¹ Перевод с древне-еврейского сделан И. С. Кая в Симферополе.

Надписи 2-х мраморных надгробий из раскопок медресе у „мечети Узбека“ в 1925 г., перевезенных из Старого Крыма в Бахчисарай

<p>(1) المرحومة المغفوره ايلچى خاتون فى التاريخ خمس (?) و سبعون سبعمائه</p> <p>(2) هذه التربة المرحومة المغفوره ابر سلطان ب . . . ران بك فى تاريخ من شهر ربيع الاول سنه ثلث ثلاثين و ثمانمائه</p>	<p>1. Покойная прощенная. Ильчи хатун. Во время 775 г. (= 1373 г.).</p> <p>2. Могила покойной, прощенной Ир-Султан дочери . . . ран бека. Дата: от месяца Реби-аль-эввеля, в год 833 (= 1429 г.).</p>
---	---

Даты надписей в хронологическом порядке

	Мус. э.	Хр. э.		Мус. э.	Хр. э.
№ 191	690 г.	= (1291 г.)	№ 225	790 г.	= (1388 г.)
№ 313	763 „	= (1361 „)	№ 218	796 „	= (1393 „)
№ 168	765 „	= (1363 „)	№ 235	818 „	= (1415 „)
№ 1 (Бах.)	775 „	= (1373 „)	№ 188	823 „	= (1420 „)
№ 234	777 „	= (1375 „)	№ 189	823 „	= (1420 „)
№ 155	780 „	= (1378 „)	№ 315	828 „	= (1424 „)
№ 157	785 „	= (1380 „)	№ 2 (Бах.)	833 „	= (1429 „)
№ 165	789 „	= (1387 „)		Библ. э.	
№ 204	789 „	= (1387 „)	№ 296	5311 г.	= (1550 г.)
№ 288	790 „	= (1388 „)			

В. Я. Брюсов в Крыму

(К пятилетию со дня смерти)

Я выросал в глухое время,
когда весь мир был глух и тих.
В. Я. Брюсов.

I

В. Я. Брюсов—своеобразное явление в русской литературе. Он вырос и сформировался, как поэт, в „глухое время, когда весь мир был глух и тих“, во время реакции конца девятнадцатого столетия. Первым шагом Брюсова в литературу была комедия „Дачные страсти“, написанная в 1893 году, т. е. когда поэту было всего лишь 20 лет. В этой комедии, не увидевшей света вследствие запрещения цензурой и напечатанной в отрывках лишь в 1926 г. (16 № „Красной газеты“), В. Я. Брюсов выразил шутовское, юмористическое отношение к символизму, а 8 февраля 1894 он пишет в своем дневнике: „Символисты“ разрешены (цензурой). Eviva! это движение идет вперед!“ С выпуском первого сборника „Символистов“ Брюсов становится одним из зачинателей и вождей русского символизма. Брюсов же был и одним из первых переводчиков французских символистов (Бодлэра, Верлена, Рембо, Маллармэ, Верхарна и др.).

Литературная деятельность Брюсова многогранна. Он использовал почти все виды литературного жанра. Поэт, блестящий переводчик, новеллист, романист („Огненный ангел“ и „Алтарь победы“), драматург („Земля“, „Путник“, „Протеселай умерший“), критик („Далекие и близкие“), литературовед („Исследования о Пушкине“),—Брюсов один из первых поднял знамя символизма и нес его до Октябрьской революции. В Октябре Брюсов увидел прогрессивный исторический сдвиг и в 1920 г. вступил в коммунистическую партию и сейчас же попросил работу в Наркомпросе. Конечно, придя в партию, Брюсов не стал сразу последовательным марксистом, но он честно и серьезно работал над переработкой своей психики и до своей смерти проделал в партии большую общественно-культурную работу. Задача данной небольшой статьи проследить те этапы из биографии Брюсова, которые связаны с Крымом.

II

„Единственное путешествие, которое я совершил в детстве, была наша поездка в Крым в 1877 г., когда мне еще не было полных 4 лет. Тогда мы прожили в Ялте почти все лето, до самой зимы. Море и скалы, „царственные виды соседства гор и вод Тавриды“ сразу обольстили мое детское воображение. Тогда я уже читал и даже что-то „сочинял“, записывая свои „вдохновения“ печатными буквами („скорописных“—не знал). И помню, что долго после я все спрашивал книг, где говорилось бы

о море, а в своих младенческих виршах все подбирал рифмы к слову „волны“. В памяти у меня остались лишь разрозненные отрывки впечатлений этого лета: запомнилась почему-то, и вполне отчетливо, Ореанда; запомнились стены сева­стопольских домов, на которых тогда еще показывали следы ядер и пуль Крымской войны. Запомнилась бурная ночь, когда ветер срывал ставни на ялтинских домах, а в море затонуло немало рыбацких баркасов. Но больше запомнились образы, прямого отношения к Крыму не имевшие: иные вечера, когда тет­ка читала вслух „Естественную историю“ Германа Вагнера, иные часы, когда я раскрашивал картин­ки в своем альбоме (я долго увлекался рисованием).¹

Из этого отрывка воспоминаний мы видим, что Брюсов был первый раз в Крыму в таком возрасте, когда он еще не умел писать скорописными буквами.

Вторую поездку в Крым Валерий Яковлевич совершил в 1896 году, 23 лет от роду. К этому времени он уже был издателем трех сборников „Символисты“, переводчиком „Романсов без слов“ П. Верлена и автором первой книги стихов „Chefs d'Oeuvre“ („Шедевры“). „Шедевры“ были встречены руганью критики. „Ругательства в газетах меня страшно мучат“, — пишет Брюсов в своем дневнике. После своей первой поездки в Крым Брюсов никуда не выезжал кроме окрестностей Москвы. Летом 1896 г., огорченный литературной неудачей и руганью по адресу „Шедевров“, он совершает поездку из Москвы в Петербург, Ригу, Варшаву и обратно, но... „тщетно было мое бегство, бесполезны три недели с того дня, как я разослал свою книгу“. В Москве Брюсова ждала связка анонимных писем по поводу „Шедевров“ и возвращенные с оскорбительными подписями экземпляры книги, которая была разослана друзьям. Это „отравило поэту два месяца жизни“ и он едет на Кавказ через Крым.

По поводу этой поездки Брюсов пишет: „Я ехал через Крым, уви­дел вновь Ялту, посетил Ореанду, где, в угоду своим эстетическим теориям, написал стихи:

Четкие линии гор,
Бледно неверное море...
.....
Создал я в тайных мечтах

Мир идеальной природы—
.....
Что перед ней этот прах,
Степи, и скалы, и воды.

Если это не было неправдой, то и не совсем было правдой: так я хотел чувствовать, но, на самом деле, „бессилие“ (перед мечтой) природы

„Пленяло втайне очи...“

Из Ялты в Новороссийск я ехал на пароходе и мог убедиться, как верен эпитет Бальмонта:—Застыл, как изваянье, тяжелый Аю-даг“.

„С палубы парохода увидел амфитеатр гор (Крыма), окружающих его „столицу“ и — сразу я почувствовал, что все это — мне знакомо, что все это — я уже видел когда-то. Очертания Яйлы и узор сбегających вниз долин, как что-то привычное, легло в мои глаза, и была какая-то сладкая боль зрения, воспринявшего впечатления в тех же местах, что два десятилетия назад...“²

В 1897 г. Брюсов выпускает новую книгу стихов „Me eum esse“, едет в этом же году за границу (Германию), женится 28 сентября на И. М. Рунт, путешествует по Украине, занимается в Москве философией. В январе 1898 г. его приводит в волнение статья Толстого „Что такое искусство“, и Брюсов в ответ на эту статью пишет письмо Толстому, на которое не получает ответа. В феврале того же года Брюсов задумывает три работы: 1) История русской лирики. 2) История римской

¹ В. Брюсов. Детские и юношеские воспоминания. „Новый Мир“, 1926, № 12, стр. 117.

² Там же, стр. 117, 118.

империи до Одоакра. 3) Разработка системы Лейбница. 15 апреля он уже в Ялте и пишет в „Дневнике“:

„В окно видно море. Налево Массандра. Море шумит под окном, пенится, набегают на влажные камни... Даль — вся серебряная; там кораблики — застывшие, неподвижные. Полусерое небо. Буду учиться любить природу, и небо, и зеленое море, и берег с неподвижными кипарисами. Я пришел не проклинать, а любить. Неужели мне не станут близкими белые чайки, влажные камни, безобразные дельфины в волнах. Море шумит под окном, набегают, пенится...“ (апр. 19, Ялта).

„Пять дней жили с природой. Море, то ясное, тихое, с дельфинами, с чайками, то опенившееся, бурное, при зыбком ветре, который бросает его о прибрежные камни; водопады, до падения разбившиеся в брызги, повисшие летучей пылью над пропастью, и потоки, среди которых так хорошо сидеть на выдающихся уступах под рев воды, и внизу и выше заглушающей голос; везде стена гор, полукругом обошедшая Ялту, с линиями снегов по верхним долинам, с черными соснами ниже и покрытая причудливыми домиками, олеандрами, миртами, лаврами, — миндальные и оливковые рощи — аллеи из кипарисов, разноцветная зелень, мрамор колонн, увитых плющом... Сказочная страна. Таврида. Верись преданиям, верись картинам, верись, что все это действительность, что есть прелесть в природе“ (апр. 22, Алупка).

„Делаю все, что подобает туристу и любителю полуденных красот: слушаю море, карабкаюсь на скалы, осматриваю разные развалины. Не буду виноват, если и теперь не сумею „полюбить“ природу. Написал „Картины Крыма“, четыре стихотворения, приготовленные со всевозможной благопристойностью“ („Дневник“ стр. 35., 1898 г. май, 8). — „Блажен, кто смолоду был молод“. — Мне многое говорит этот, почти опошленный Пушкинский стих. Я не был молод смолоду, я испытывал все мучения раздвоения. С ранней юности я не смел отдаваться чувствам. Я многим говорил о любви, но долго не смел любить. Два года тому назад, проезжая по Крыму, я не решался без дум наслаждаться природой. Я был рабом предвзятых мнений и поставленных себе целей... О, много нужно было борьбы, чтобы понять ничтожество всех учений и целей, всех почему и зачем, — и мнимой науки и мнимой поэзии. Много нужно было борьбы, чтобы понять, что выше всего душа своя. И вот побеждая все то, что целые годы держало меня в тисках, я достигаю и простоты и искренности, я отдаюсь чувству, я молод...“ („Дневник“, стр. 37).

Вернувшись из Крыма в Москву, Брюсов намечает программу дальнейших работ, среди которых значится книга о запретных науках (магии). Брюсова влекут к себе образы Агриппы Неттесгеймского, Парацельса, Сведенборга. Г. Чулков пишет в своих воспоминаниях, что на столе у Брюсова в это время можно было найти книжки Шюре, Кардека, Дю-Преля. Занимаясь оккультными науками, Брюсов предполагал, что можно сочетать оккультные знания с научным методом. Интерес к этой области отразился в романе Брюсова „Огненный ангел“ и в ряде статей, напечатанных впоследствии в журнале „Ребус“.

В начале 1899 г. Брюсов выпускает брошюру „О искусстве“, которая являлась ответом на известную статью Толстого „Что такое искусство“. В этом году Валерий Яковлевич окончил университет и в июле совершил новую поездку в Крым.

„Как все повторения, наша вторая поездка в Алупку во многом нас разочаровала. Не было уже прежней радости перед зелеными склонами гор, перед ширью моря, каменными тропами, перед красивыми лицами татар. Прогулки пришлось совершать по знакомым дорогам. Все удовольствие их было в том, что мы встречались со знакомыми, как со старыми друзьями“ („Дневник“, стр. 71).

После этой поездки Брюсов не был в Крыму до 1924 г.

III

„Август 1924 г. Брюсов проводил в Коктебеле, в гостях у Максимилиана Волошина. Собравшееся здесь обширное общество поэтов, ученых, художников и музыкантов во главе с гостеприимным хозяином сумело создать оживленную, культурнонасыщенную атмосферу, которая, видно, пришлась по вкусу Брюсову. Приехав на несколько дней, он провел в Коктебеле почти весь месяц.

Общее оживленное настроение захватило его, и вскоре он сам стал заметно способствовать этому бодрому темпу жизни. Впрочем, это сказалось не сразу. Некоторая отчужденность от общества заметно ощущалась в первые дни. В обычных вечерних чтениях Брюсов вначале не принимал участия — ни обсуждением чужих стихов, ни чтением своих. Кажется, только на третий вечер он выступил как поэт, прочитав большой цикл стихотворений, написанных за последние годы. Брюсов читал около двух часов, развернув перед слушателем результаты громадной поэтической работы. Но, несмотря на большое разнообразие тем, замыслов, стиховых приемов, было ясно, что эта ученая, изобретательная и какая-то неживая поэзия совершенно не доходит до слушателя...

Чтения эти мало сблизили поэта с его аудиторией. И только понемногу Брюсов перешел какую-то заветную черту, отделявшую его от людей, заметно приблизился, вступил в общий круг жизни. Он стал не только участником, но и руководителем многих литературных игр и культурных развлечений. Одной из таких забав, всецело организованной им, были стихотворные конкурсы“.

„Память на стихи у него была поразительная... Брюсов читал прекрасно, без всяких приемов обычной декламации, без чрезмерной напевности, но замечательно выявляя ритм строфы, подчиняя интонацию внутреннему ходу стиха“.

„(В один из коктебельских вечеров) Брюсов принял деятельное участие в живом кино, устроенном С. В. Шервинским. Ставилась комическая пародия на авантюрные фильмы. Брюсов исполнял роль офицера французской службы в одном из африканских фортов — капитана Пистоле Флобера. Одним из главных партнеров его был Андрей Белый в роли какого-то международного авантюриста. Оба поэта с увлечением выступали на столь необычном для себя поприще, великолепно поняв комизм задания и только разрешая эту трудную проблему. В частности, Брюсов вызывал дружный смех зрителей своими широкими жестами при повторявшейся фразе конферансье-режиссера: „Садитесь. Через десять минут я покажу вам Африку“ (Л. Г р о с м а н — Борьба за стиль, М. 1927, стр. 285—295).

„Мы провели с ним дней десять в уютнейшем доме отдыха поэта Максимилиана Волошина (в Коктебеле); передо мной прошел новый Брюсов: седой и согбенный старик, неуверенно бредущий по берегу моря и с подозрением поглядывающий на солнце; меня поразили: его худоба, его хилость и кашель мучительный, прерывающий его речь; по-иному совсем поразили меня: его грустная мягкость, какая-то успокоенность, примиренное отношение к молодежи, его окружавшей, огромнейший такт и умение слушать других... (А. Белый — Валерий Брюсов. „Россия“ 1925, № 4, стр. 280).

„Ничего строгого, властного, холодного не было в коктебельском Брюсове. Он был прост, общителен и мил. По-отечески снисходительно и дружелюбно вступал в спор с задорными девицами, отрицавшими огулом всю русскую культуру, или отвергавшими какое-нибудь крупнейшее поэтическое явление. Участвовал в каждой морской или горной экскурсии, в многолюдном обществе молодежи, выступал в диспутах по поводу прочитанных стихов, играл в мяч, налаживал литературные игры.

Но тень какой-то глубокой утомленности и скрытого страдания не покидала его. Часто он казался совершенно старым, больным, тяжело изнуренным полувеком своего земного странствования. Когда он сидел иногда согнувшись на ступеньках террасы, в легкой летней сорочке без пиджака, когда, перевязав мучившую его больную руку, жестикулировал одной свободной рукой, когда читал в продолжение целого вечера свои новые стихи, которые явно не доходили до аудитории, встречавшей и провожавшей их глубоким молчанием,—в такие минуты что-то глубоко щемящее вызывала в вас фигура старого поэта. Его поэтические триумфы, его роль литературного конквистадора, величественный блеск его имени,—все это словно отделялось, как отошедшее прошлое, от его глубоко утомленной и скучающей фигуры“ (Л. Гросман, Борьба за стиль, стр. 295—296).

По приезде из Коктебеля Брюсов заболел крупозным воспалением легких, которое осложнилось плевритом. Неутомимый всю свою жизнь работник, считавший, что

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут,—
Золотых, стальных, алмазных,
Нет священной слова „труд“.

Брюсов и во время болезни интересовался делами литературно-художественного института, который был создан по его инициативе, сожалел о пропуске лекции.

9 октября 1924 г. в 10 часов утра В. Я. Брюсов скончался.

Чем был Брюсов для Революции?

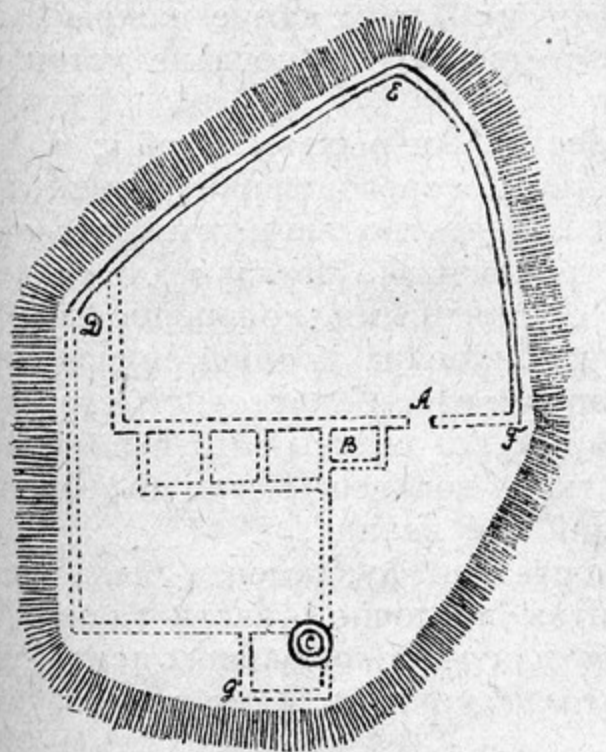
На этот вопрос дан прекрасный ответ Луначарским в его речи на похоронах Брюсова:

„Брюсов, сочетая в себе ученого и поэта, великий разум и творческую интуицию, безмерно обогатил науку об искусстве. Революция имеет свой метод изучения всех общественных явлений и применяет его и к области искусства. Брюсов оценил этот метод и отдался целиком задаче—переоценить явления искусства с общественной точки зрения. Счастлив Брюсов, что дожил до времени, когда общественный труд не унижает головы поэта. Брюсов на своем примере показал, чем может быть выпрямленный человек“.

Археологические раскопки в Отузах 1927 и 1928 года

Место у дер. Отузы на холме Кордон-оба, где производились Феодосийским музеем раскопки, отмечено почти всеми русскими учеными и путешественниками, побывавшими в Отузах.

У Кеппена приведен глазомерный план остатков строений, который в общих чертах довольно верен.

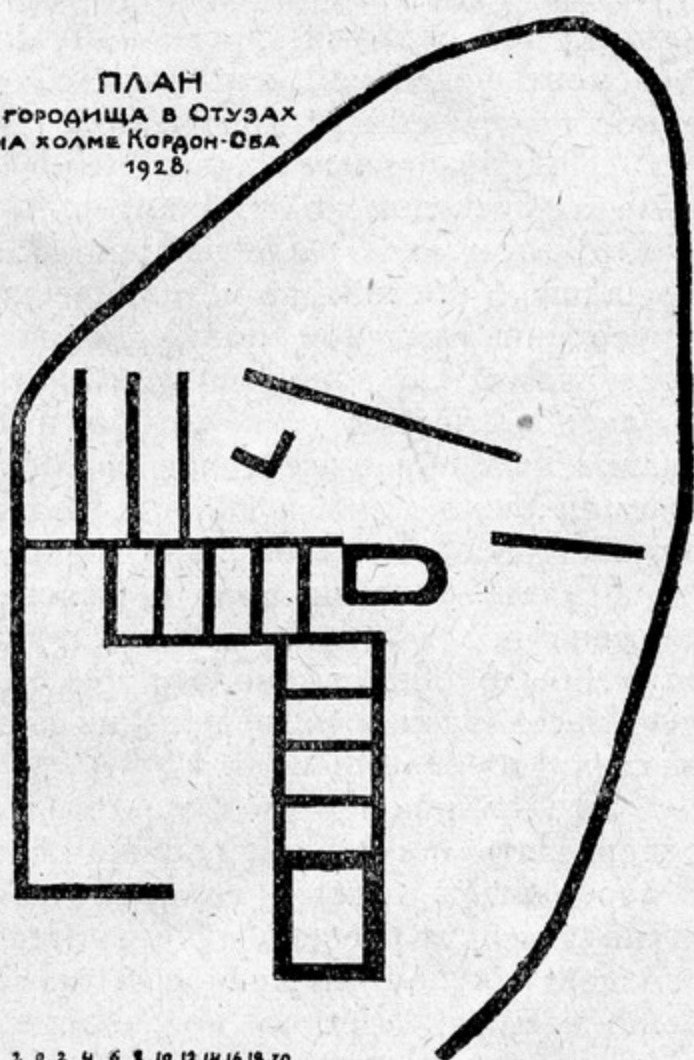
План Отузского городища по П. Кеппену

Приведя целый ряд названий этого места, взятых из старинных географических карт (Calitera на карте 1367 г., Gallitra—1480 г., Calittu—1487 г., Callistra—1497 г., Calitta—1514 г., Catolica—1570 г.), Кеппен склонен был видеть в развалинах на холме Кордон-оба остатки средневековой крепости. План Кеппена объяснен следующим образом: пункт А—вход в крепость, В—четыреугольная башня, С—круглая башня, D, E, F—обводная стена (см. прилагаемое воспроизведение плана Кеппена).

Бларамберг в своей работе „De la position des trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon“, описывая укрепление на холме Кордон-оба, называет его скифским портом Хавон.

Весной 1927 г. в Феодосийский музей поступило сообщение, что отузские крестьяне выломали фундаменты древнего городища. После проверки сообщения было выяснено следующее: на месте городища

ПЛАН
ГОРОДИЩА В ОТУЗАХ
НА ХОЛМЕ КОРДОН-ОБА
1928.

были обнаружены кучи сложенного камня, рвы, канавы на месте древних фундаментов, по которым можно было только установить местоположение и размеры отдельных зданий, а по небольшим остаткам фундаментов можно было установить технику кладки и судить о материале, из которого были сложены здания.

При обследовании вершины холма Кордон-оба было установлено, что вся площадка занята остатками комплекса зданий, обнесенных общей обводной стеной, идущей по краям площадки. Обводная стена и фундамент отдельного четырехугольного в плане здания, расположенного в южной части, а также фундамент здания, находящегося в центре, были сложены из крупного булыжного камня на белом известковом растворе, остальные фундаменты сложены из бута на глине и отличаются меньшей толщиной.

В результате работ 1927 и 1928 годов удалось снять послойно культурный слой, образовавшийся, после удаления фундаментов хищниками, столб земли в здании, расположенном в центре комплекса и в отдельном четырехугольном южном здании.

В первый год был снят культурный слой в центральном здании. Непосредственно под растительным слоем следовал слой, состоявший из обвалов стен и свода зданий. Среди камней обвала было найдено большое количество туфов. На отдельных туфах видны были куски штукатурки со следами фресковой живописи; на одном камне сохранился фрагмент фресковой живописи со следами двух букв (пока не установлено, греческих или армянских).

Под обвальным слоем следовал известковый рыхлый слой с большим количеством золы, в которой попадался перегоревший овечий помет. В этом слое было найдено большое количество овечьих и несколько лошадиных костей, две металлические остроконечные вставки для свечей и черепки глиняной поливной посуды с типичными кольцеобразными доньшками. Поливная посуда частью ангобирована и орнаментирована по ангобу, частью без ангоба и без орнамента. В восточной стороне здания был обнаружен очаг овальной формы, сложенный из небольших песчаниковых плит и глины. Под известково-зольным слоем был обнаружен плитняной настил пола, покрывавший все здание.

После очистки пола и выяснения остатков фундамента была прослежена полуовальная кладка фундаментов восточной части здания, а также было обнаружено, что три больших плиты, покрывавших центральную часть здания, выведены из горизонтального положения и образуют впадину посредине пола.

В дальнейшем под полом было вскрыто шесть погребений двух типов. Пять погребений, обнаруженных в западной стороне здания, были в деревянных гробах, головой на запад, со сложенными на груди руками. Никаких вещей, кроме остатков перегнившего дерева, кованых гвоздей и кусочков шелковой ткани у двух костяков, в погребениях не было найдено. Шестое погребение было обнаружено в восточной стороне здания. Погребение это было в каменном гробу, где были найдены разбросанными отдельные кости двух скелетов.

Полученный в результате раскопок центрального здания материал позволяет заключить, что исследованное строение было христианским храмом базиличного типа. Об этом говорят как план здания, так и наличие большого количества оштукатуренных камней со следами фресковой живописи, металлические вставки для свечей и фрагменты стеклянной лампы, найденные под большими плитами пола. В более позднее время, когда здание уже не служило своему первоначальному назначению, им воспользовались пастухи для загона овец, о чем можно судить по большому количеству перегоревшего навоза, овечьих костей и очагу для печеня лепешек, такому же, какие употребляют чабаны и в настоящее время.

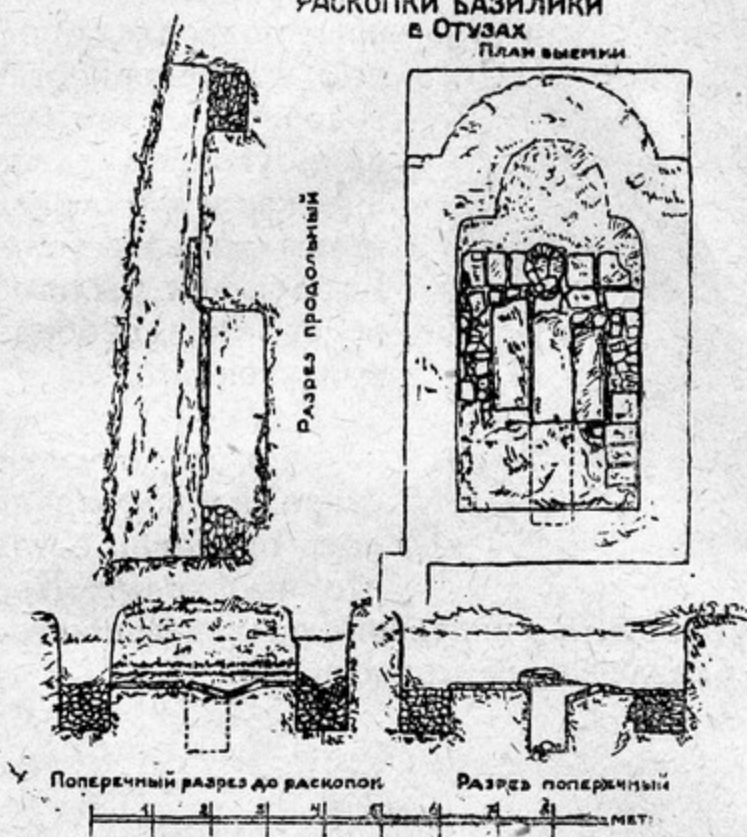

Раскопки на площади южного прямоугольного здания дали следующие результаты. Разведочной траншеей, проведенной в 1927 г. по центральной оси здания с севера на юг, были пройдены — растительный слой, поздний культурный слой, состоявший из щебенистой почвы темнубурого цвета с включением дикарных камней обвала стен здания, и тонкая зольная прослойка, на уровне которой были встречены три симметрично расположенных по оси здания четырехугольных дикарных плиты. В 1928 г. был полностью снят культурный слой, занимавший внутреннее пространство прямоугольного здания. Под зольной прослойкой, ниже уровня каменных плит, был обнаружен ранний культурный слой, состоящий из щебенистой почвы, смешанной с глиной и песком. Под этим слоем шла тонкая зольная прослойка, прикрывавшая незначительный плотный слой чистой глины. В продолжение всех работ на этом месте, при поквдратной и послойной выемке культурного слоя, было найдено значительное

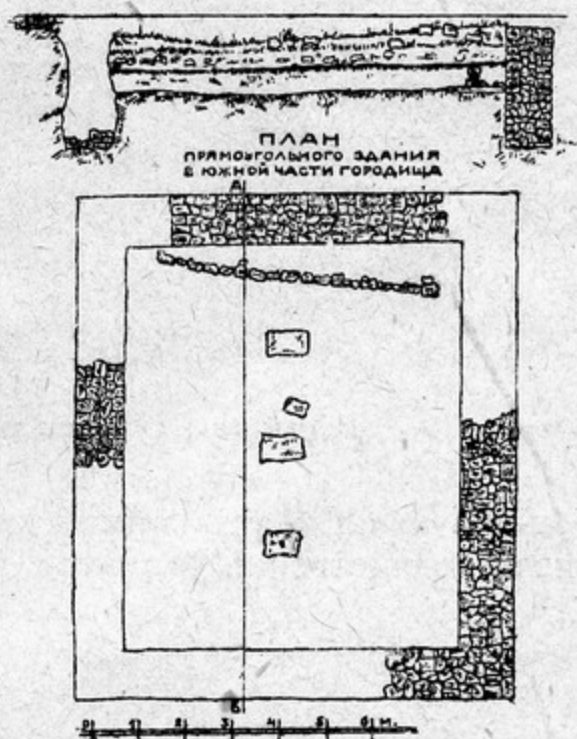
и послойной выемке культурного слоя, было найдено значительное

РАСКОПКИ БАЗИЛИКИ
в ОТУЗАХ

План выемки

РАСКОПКИ в ОТУЗАХ. 1927

количество черепков глиняной посуды с поливой и без поливы; часть черепков ангобирована и орнаментирована техникой „сграфито“, поверх которой нанесена свинцовая полива. Черепки послойно группировались сл. образом: растительный слой—глиняная посуда без поливы; поздний культурный слой—такая же посуда и поливная без ангоба; ранний культурный слой—ангобированная и орнаментированная поливная посуда. Кроме керамики, в ранне-культурном слое квадратного здания были найдены 4 таких же металлических подсвечника, как и в базилике, костяная игла и фрагменты неопределенных железных предметов. Фундаменты здания, сложенные из крупного булыжника на белой извести, сохранились в нескольких местах отдельными кусками, по которым хотя и нельзя определить местоположение дверных и оконных проемов, но с точностью можно установить размеры здания (внутри—8,48 × 7,18 м, снаружи—10,50 × 8,35 м).

Материал, добытый раскопками в квадратном здании, не дает основания для окончательного суждения о первоначальном его назначении. При раскопках его не было найдено никаких предметов, которые могли бы навести на мысль о военном назначении этого здания. Большое количество черепков глиняной посуды, подсвечники, игла скорее говорят о хозяйственном, а не стратегическом назначении здания. Последнее соображение нашло косвенное подтверждение при разведке восточной обводной

стены. На плане Кеппена она, изламываясь под прямым углом, идет в западном направлении, оставляя значительную незащищенную площадку в юго-восточном углу. Разведкой было установлено, что восточная обводная стена подходит к крутому откосу на южной стороне холма, обращенной к морю, и здесь обрывается.

Керамика Отузского городища

Возможно, что здесь стена была размыта дождевыми водами и остатки ее расхищены, но и тот отрезок, который открыт, позволяет с полной определенностью говорить о том, что прямоугольное здание, как и все остальные здания на холме Кордон-оба, было обнесено кольцеобразной стеной.

Среди отузских старожилов сохранилось предание о том, что на холме Кор-

дон-оба некогда был армянский монастырь, игравший роль административно-хозяйственного центра для близлежащих монастырей.

Вид холма Кордон-оба у Отуз

Между Феодосией и Судакom до настоящего времени зарегистрированы развалины восьми средневековых монастырей. Все они по размерам и количеству жилых и хозяйственных сооружений значительно уступают отузскому городищу.

Материал, добытый раскопками, если и не дает полного доказательства справедливости приведенной легенды, то во всяком случае несколько ей не противоречит. Особенно убедительным в данном случае является план всего городища. Помимо того, что в центре его находится базилика, очень характерно расположение фундаментов небольших смежных зданий, которые могли быть только жилыми постройками, причем как размеры их, так и расположение очень типичны для монастырских келий. Чрезвычайная бедность культурного слоя этих построек может служить этому подтверждением.

Чрезвычайно скромный материал, добытый раскопками в 1927 и 1928 годов на холме Кордон-оба, все же освещает одну из темных страниц прошлого восточного Крыма. Совершенно опровергая гипотезы, выдвинутые Кеппеном и Бларамбергом, материал этот допускает единственно возможное определение Отузского городища, как средневекового монастыря.

Чуфут-Кале

(По материалам раскопок 1928—29 гг.)

Летом 1928 и 1929 гг. Бахчисарайским музеем производились раскопки развалин древней мечети в Чуфут-Кале. Татарский период истории этого городища мало исследован, и в этом отношении, кроме отрывочных исторических сведений, не было известно ничего.

Из явственных остатков материальной культуры татар на плато Чуфут-Кале имеются следующие памятники: „Дурбе“—мавзолей „Джаннике-ханым“—дочери Токтамыша,¹ памятник интересный, но грубо искаженный ремонтом во второй половине XIX в.,² и руины мечети недалеко от дурбе на территории средневековой части крепости.³ В 1926 г., при внимательном осмотре руин этой мечети и некоторой расчистке их от сорной растительности, в южной стене была открыта нишка со сталактитовым сводом, характерным для обработки „михрабов“—алтарных ниш мусульманских мечетей. Это подтвердило сообщение А. Л. Бертье-Делагарда о наличии здесь мечети, и тогда же возникла мысль о более детальном исследовании этих руин.

Летом 1927 г. Бахчисарайский музей поручил О. А. Акчокраклы исторические изыскания в области татарских древностей и командировал его в Чуфут-Кале для предварительных работ по выяснению общей топографии города и, главным образом, для изучения эпиграфического материала. Результатом этого явилась статья О. А. Акчокраклы „Новое из истории Чуфут-Кале“,⁴ где издан самый ценный для изучения мечети фрагмент, найденный в ней снаружи, в кладке северной стены, с датой 746 г. х. (=1346 г. н. э.) и приводятся соответствующие исторические сведения.

Подготовив, таким образом, изучение развалин мечети в связи с общим изучением Чуфут-Кале, Бахчисарайский музей в 1928 и 1929 гг. предпринял изучение и раскопки (расчистку) этих руин под руководством научного коллектива в составе: начальника экспедиции У. Боданинского, О. Акчокраклы и архитектора Центр. реставрац. мастерских в Москве Б. Н. Засыпкина. Кроме этого, в работах приняли участие студенты-практиканты Б. Муратов и Д. Аблямитов, а в 1929 г. также стажеры московских вузов Веймарн и Чепелев, выполнившие топографическую съемку городища.

Руины мечети находятся среди небольшого квартала, к юго-западу от „дурбе“; северная и южная стены расположены по границам улиц, к западной и восточной примыкают сильно разрушенные, повидимому,

¹ По новому чтению О. Акчокраклы. См. „Новое из истории Чуфут-Кале“, Изв. Тавр. О-ва И., А. и Э., т. II (59), Симф. 1928.

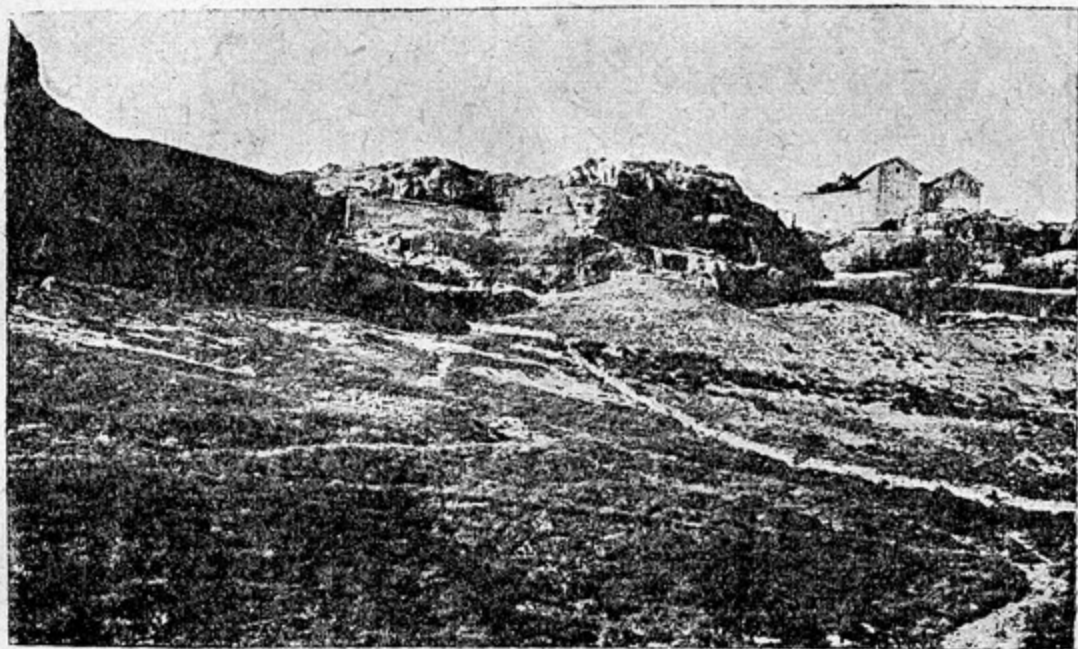
² У. Боданинский—Татарские дурбе-мавзолеи в Крыму, Изв. Таврич. О-ва И., А. и Э., т. I (58), Симф. 1927.

³ Бертье-Делагард. — Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Изв. Тавр. У. А. К. № 57, Симф. 1920.

⁴ Изв. Тавр. о-ва ист., арх. и этн., т. II (59), Симф. 1928.

жилые постройки, покрытые грудой камней, бута, мусорной земли и сорной растительностью. Работа по расчистке велась послойно-квадратным способом (размеры квадратов 2×2 м.). Верхний слой состоял из мусора XIX в., средний слой датируется монетой Шагин-Гирея 1191 г. (=1777 г. н. э.), нижний слой—русской монетой 1747 г., среди золы, угля, осколков стекла и игральные кости („ашик“).

Эти слои включают массы архитектурных фрагментов здания, строительного мусора с кусками крепкого известкового раствора с примесью овражного песка, фрагментами глиняной посуды с зеленой поливой, костями животных и мелкими осколками мрамора. Изредка попадаются фрагменты весьма распространенной в XIV—XV вв. гончарной посуды с поливой и углубленными контурами рисунка по ангобу.¹ Попадались отдельные камни от арок и масса известкового пористого туфа с отпечатками растений, материала неместного, откуда-то привозившегося,

1. Массив Чуфут-Кале с южной стороны

вероятно, для кладки сводов мечети. Найдены также фрагменты от цилиндрической поверхности стержня минарета и фрагмент сталактитового карниза минарета.

Сначала была расчищена вся западная стена мечети с основанием минарета, конфигурация которой вначале не была ясна, затем восточная на протяжении 8—9 квадратов, наконец южная в западной половине. Оказалось, что южная стена здесь утратила почти всю облицовку и частично внутреннюю забутку, таким образом наружный контур южной стены пока остается определенным условно по юго-зап. части (см. рис. 2).

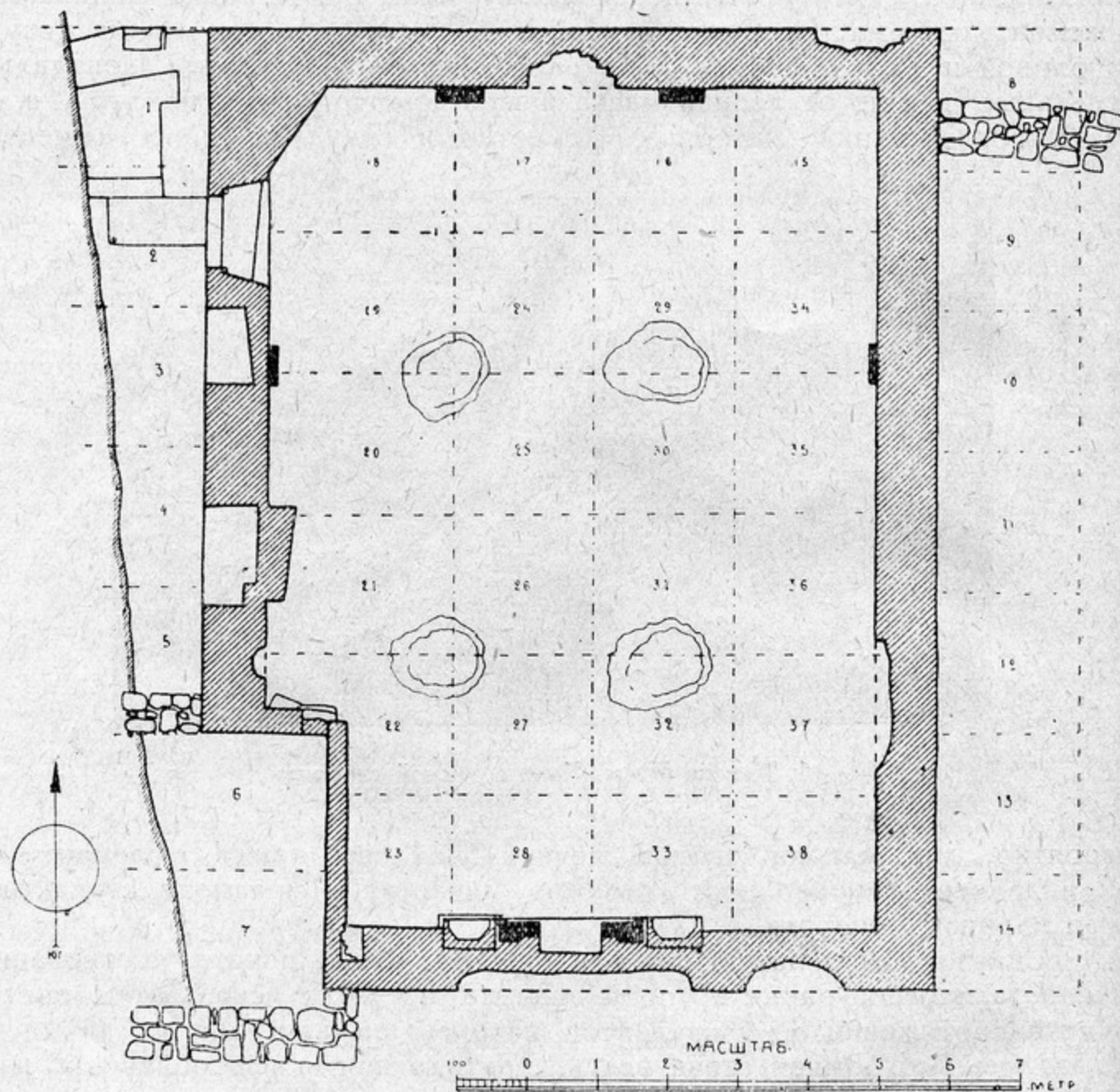
В течение работ 1928 и 29 гг. вся территория внутри здания была также расчищена. Прежде всего была поставлена задача выяснить структуру мечети. Из того, что внутри, на северной стене сохранились две пилястры с капителями в виде карнизов и на одной из них первый блок от арки, можно было предположить два варианта структуры перекрытия мечети; однако, первый из них, напрашивающийся по аналогии со структурой мечети в Судаке и „Куршун-Джами“ в Старом Крыму,² противоречил бы старым данным,³ которые указывали, что „мечеть имела два ряда

¹ Керамика эта встречается в огромном количестве в Старом. Крыму как на поверхности, так и при раскопках, особенно в нижних слоях. Часть этой посуды ввозилась в Крым с мусульманского Востока (Египет), часть производилась на месте (найлены керамические печи).

² Б. Засыпкии. — Памятники архитектуры Крымских татар (журн. „Крым“, № 2 (4) Москва).

³ Бертъе-Делагард. — Исслед. некот. недоум. вопросов средневеков. в Тавриде.

колонн“. К отысканию оснований к этим двум рядам колонн и были направлены раскопки. Первоначальное предположение, что в каждом ряду должно быть три колонны, при каковом их расположении перекрытие разбивалось бы на правильные квадраты, не оправдалось: в каждом ряду мы обнаружили по два углубления, вырубленных в скале, служившей пятой здания. Кроме этого, в северном ряду, на восточной и западной стенах оказались остатки двух пилястр, свидетельствующих о том, что аркатура, опиравшаяся на столбы или колонны, шла в двух направлениях: основные два ряда—с севера на юг и два—с востока на запад.

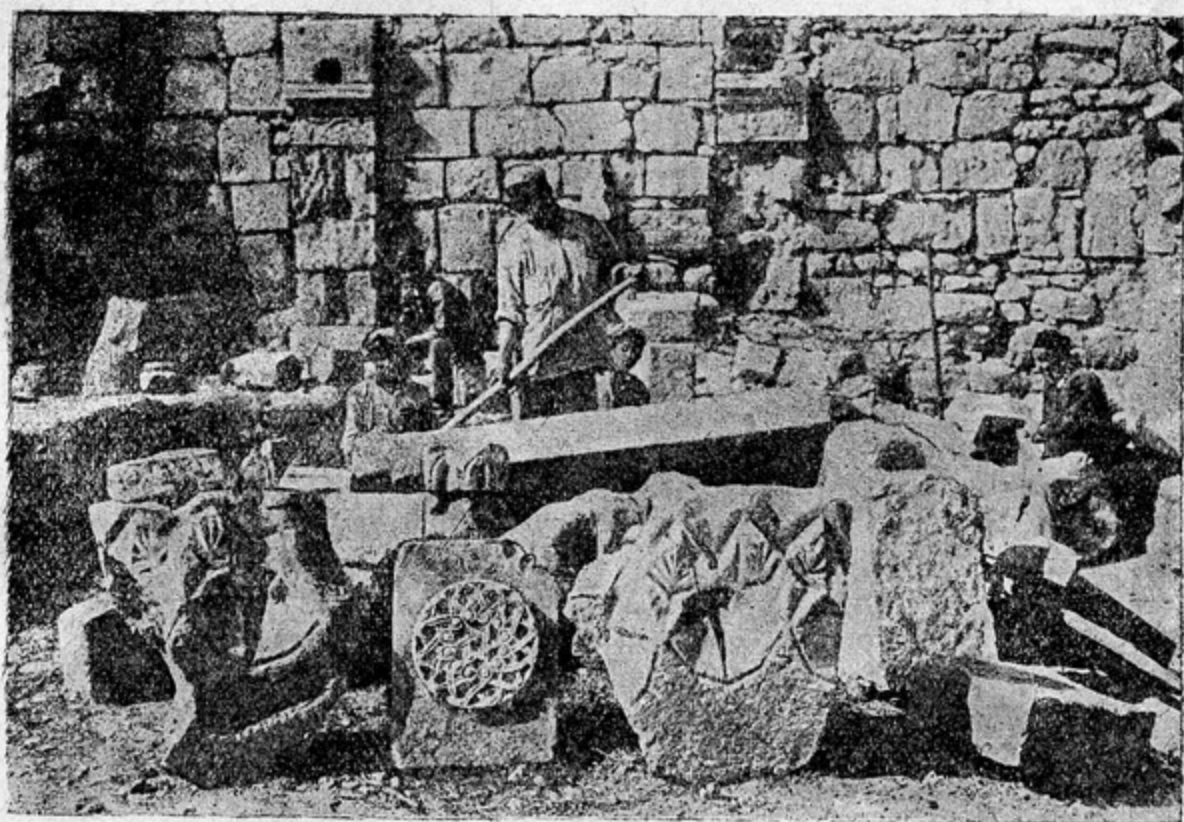
2. План развалин мечети в Чуфут-Кале по раскопкам 1928—29 гг.

При раскопках найдено много блоков от кладки арок, причем точно выясняется их ширина: у основного ряда арок—0,66 м., у поперечного—0,56 м.; оба эти размера соответствуют размерам пилястр и взаимно подтверждаются. Найденные замковые камни свидетельствуют о том, что форма арок была стрельчатая. В замковых камнях сохранились железные кольца для лампад. Из того, что арки были разной ширины и опорная часть их должна представлять не квадрат, а прямоугольник $0,66 \times 0,56$, можно было бы предположить, что четырьмя опорами были каменные столбы указанного прямоугольного сечения.

Однако, никаких следов кладки столбов обнаружено не было, а в скале оказались лишь упомянутые четыре углубления, на которых выложить столб $0,66 \times 0,56$ м. не представлялось бы возможным. Единственно правильно предположение, что здесь были поставлены круглые

колонны. За это говорит закругленная форма ям и то, что в них найдено много мелкой бутовой кладки, служившей для укрепления колонн. Все четыре ямы имеют одну особенность: к западу стенки их идут довольно отвесно, а к востоку они сильно снижены и сглажены, т. е. учитывалось, что колонну (очевидно, мраморную) нужно положить сначала, а затем уже ее выправлять и ставить отвесно; без этого сглаживания в одну сторону поставить колонну в яму очень трудно (этот процесс можно сравнить с постановкой телеграфных столбов, для которых яма с одной стороны делается уступами).

Оставался совершенно неясным вопрос, какие же были капители, и как был разрешен переход от круглой колонны к прямоугольному основанию арок. По сообщению Бертье-Делагарда,¹ капители мечети были украшены сталактитами. Среди откопанных в развалинах мечети фрагментов имеются части сталактитовых карнизиков, могущих служить

3. Архитектурные фрагменты, найденные во время раскопок 1928 г. на территории мечети XIV в.

капителями для прямоугольных столбов вроде капителей у пилястр и вроде того, что имеется у столбов Судакской мечети,² но пока ничего не найдено, что напоминало бы сталактитовую капитель для круглой колонны. Таковые капители, например, имеются в мечети Узбека в Старом Крыму и откопаны там же в медресе. Но знакомые нам виды сталактитовых капителей не разрешают перехода от круглой колонны к прямоугольному основанию арок. Этот вопрос случайно получил новое освещение: при внимательном просмотре надгробных памятников, хранящихся во дворе Бахчисарайского музея, наше внимание привлекли две мраморные капители (рис. 4, 5) прямоугольной формы, близкие по размерам к искомым нами для мечети в Чуфут-Кале. Эти две капители привезены в музей от подножья Чуфут-Кале и найдены в кладке позднейшего фонтана у могилы „Газы-Мансур“, при его ремонте в 1927 г. Они явно служили для круглых колонн, $d=0,395$; в нижней части капители имеют волюты, а выше сильно развитую абаку (импост) в виде

¹ „Исслед. некот. недоум. вопросов средневековья в Тавриде“.

² Б. Засыркин. — Памятники архитектуры Крымских татар, журн. „Крым“, № 2 (4) Москва. 1927 г.

гуська, покрытого рельефными акантовыми листьями. В абаке (импосте) замечаются две странности: 1) две грани ее стесаны под отвес, для придания квадратному сечению прямоугольной формы $0,565 \times 0,89$ м. и 2) на одной из граней в центре, среди акантовых листьев замечаются следы стесанного византийского креста.¹ Это указывает на то, что капители имели вторичное применение, и что крест стесан при употреблении их в нехристианской постройке. Употребление византийских фрагментов мусульманами подтверждается находкой У. Боданинским в 1924 г. на кладбище Эски-юрте надгробного мусульманского памятника, в виде обломка круглой мраморной колонны с арабской датированной надписью XIV в.—с одной стороны и с рельефным византийским крестом, перевернутым вниз, с другой.² Здесь же в Чуфут-Кале при раскопках

4. Византийская мраморная капитель V—VI вв. со следами стесанного креста. Найдена у южного подножия Чуфут-Кале в 1927 г. в кладке стены.

нашей мечети в центральной ее части найден квадратный блок с линейным изображением креста XI—XII вв. (?) (рис. 6) со следами позднейшей стески, видимо, использованный при постройке блок более древнего происхождения. Изображение креста встречается в Чуфут-Кале не впервые.³

Вполне возможно, что эти капители были употреблены в постройке изучаемой нами мечети. Правда, это не вяжется с указанием А. Л. Бертье-Делагарда, что колонны мечети имели сталактитовые капители, но мы не знаем, видел ли сам Бертье-Делагард эти капители, или описывал их со слов других; кроме того, капители обеих пар колонн могли быть разными.

¹ По мнению нашего маститого ученого Д. В. Айналова и германского ученого проф. И. Зауэра, лично видевшего их, капители относятся к V—VI в. н. э. См. интересную публикацию Н. В. Измайловой — Византийская капитель в Херсонесском музее („Seminarium Kondakovianum“, Prague, 1927), в которой есть очень близкая аналогия рис. 1а—б табл. VII.

² А. Башкиров и У. Боданинский. — Памятн. крымско-тат. старины („Новый Восток“, № 8 стр. 207, р. 8а).

³ А. Л. Бертье-Делагард нашел в 1880-х гг. на древней стене Чуфут-Кале блок с изображением креста одного времени со стеной, но камень этот тогда же исчез.

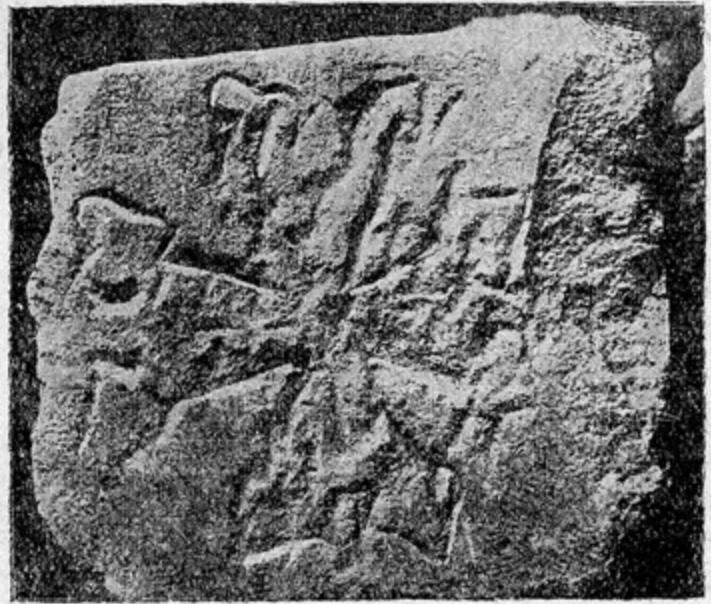
При раскопках в мечети найдены осколки мрамора и среди них фрагменты от капителей с вполне идентичным материалом и техникой и трактовкой аканта, как у этих. Это также подтверждает наше пред-

5. Византийская мраморная капитель V — VI в., найденная в 1927 г. у южного подножия Чуфут-Кале

положение, что капители фонтана Газы-Мансур были раньше на плато Чуфут-Кале в мечети и каким-то образом оказались сброшенными с его утесов вниз, а на месте вторичного их употребления в мечети остались только осколки.¹

По выяснении структуры аркад возникает вопрос о перекрытиях. На внутренней стороне северной стены сохранились следы примыкания коробовых сводов, причем средняя часть имела более высокий свод. Особенно отчетливо коробовый свод был замечен в восточном нефе, но после землетрясения 1927 г. часть его отвалилась; все же и сейчас можно исследовать форму этого свода. Казалось бы, что это указание уже разрешает всю структуру: перекрытие арками и по ним коробовыми сводами, с устройством двухскатной крыши. Од-

6. Линейное изображение креста XI — XII в. из раскопок мечети

нако находка одного фрагмента (189) выдвинула ряд сомнений и недоумений. Фрагмент этот представляет собою замковый камень от купола и украшен рельефной розеткой (рис. 8). Где же мог находиться купол при наличии четырех колонн, и каковы были его размеры? Размещение

¹ Осколки получились, видимо, при падении капителей в период разрушения мечети.

колонн сделано так, что нигде не получается квадратной формы, нужной для купольного перекрытия.

Найдены также два фрагмента (190-а, 190-б) от внутреннего карниза под куполом. Исследуя их кривую дугу, находим, что диаметр купола определяется в 2,50 метра, что соответствует довольно близко размерам всех 3-х нефов; но где этот купол был, каким образом он перекрывал прямоугольное основание, был ли один купол, или несколько (пока найден один замковый камень), остается открытым. Судя по тому, что в центральных частях здания (кв. 26, 27, 31, 32) найдено при раскопках много известкового туфа от сводов, фрагментов карниза купола и частей арок, можно предположить, что купольное перекрытие было в центре.

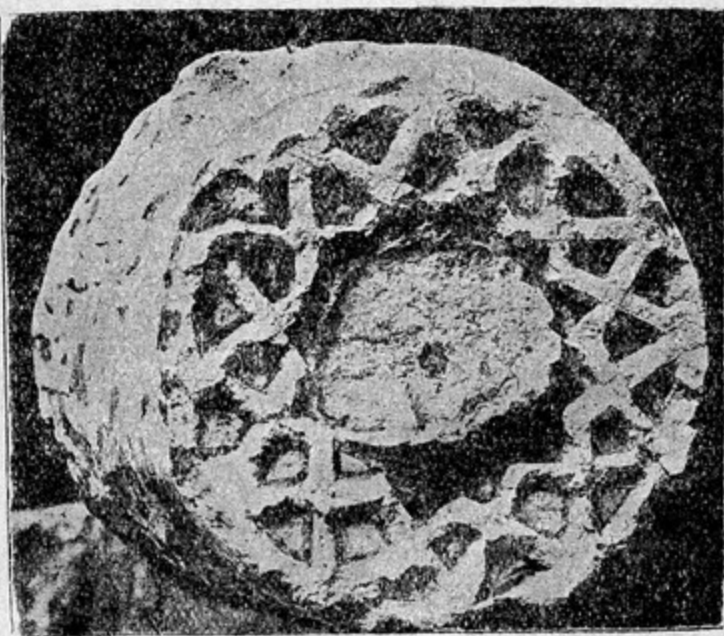
7. Блок с рельефным орнаментом от портала мечети, найден во время раскопок 1929 г.

Во всяком случае мы имеем здесь прием, который в Крыму пока не наблюдался, т. к. известные нам конструкции мечети Узбека в Старом Крыму, или мечети в Судаке¹ к данному случаю не подходят. Быть

может, дальнейшие исследования дадут возможность окончательно установить структуру перекрытия мечети.

Так как под фрагментами сводов и купола в развалинах найдена керамика, железные вещи и др. находки XIX-го века, можно заключить, что к этому времени часть перекрытия еще существовала, что совпадает с описанием Бертье-Делагарда, бывшего здесь в конце XIX-го века.

В целях дальнейшей реконструкции архитектуры мечети остановимся на вопросе о входе в нее. Никаких следов входа в северной стене, т. е. там, где по аналогии с другими мечетями Крыма следовало бы его искать, не обнаружено. При расчистке же западной стены в 1929 г. в ней обнаружен дверной проем под скосом северо-западного угла мечети, где был минарет,² дверной проем с косяком и порогом, высеченным непосредственно в скале. Для дверных подставов в углах снаружи оказались круглые углубления и след дверной петли в виде дуги. Двери мечети т. обр. расположены необычно. Во всех аналогичных татарских монументальных сооружениях двери расположены на северной оси здания против михраба (мечеть Узбека в Старом Крыму, Колечь-мечеть и т. д.).

8. Замковый камень купола мечети

¹ Б. Засыпкин.—Памятники архитектуры Кр. татар, журн. „Крым“, 2 (4).

² Явственные следы минарета сохранились на месте в виде остатков винтовой лестницы.

Из найденных фрагментов устанавливается, что мечеть имела богатый портал со сталактитовым нишевым сводом, с надписями и с поясом линейного орнамента.¹ В боковых (щековых) стенах он имел две нишки, от которых найдены сталактитовые сводики с рельефными розетками в тимпанах (рис. 10).² В северо-восточном углу мечети найден при раскопках прямоугольный плоский каменный блок с рельефным геометрически-звездчатым плетеным линейным орнаментом, видимо с портала мечети.³ В другом месте (кв. 18) найден фрагмент архитектурного скоса, возможно с портала, с прекрасной рельефной орнаментацией в виде непрерывного завитка. Здесь же в нижнем слое найден блок от портала мечети, профилированный и с довольно хорошо сохранившимся рельефным плетеным орнаментом (рис. 7),

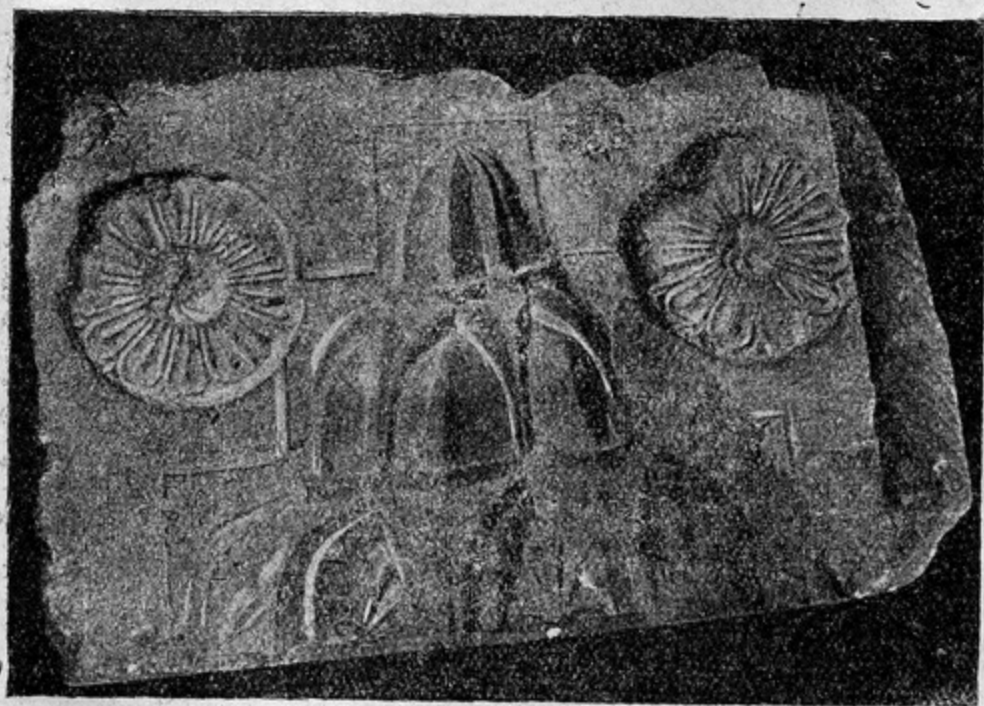

9. Блок с датой 746 г. (= 1346 г.), найденный в кладке мечети.

очень характерным для татарских памятников XIV в.⁴ Таким образом портал по своей композиции и орнаментации являлся типичным тюрко-сельджукским. Две очень интересные и прекрасно сохранившиеся ро-

зетки, найденные в нижнем слое, могут быть от тимпана портала мечети (рисунки 11, 12)⁵.

Нижняя часть михраба (южной алтарной ниши) сохранилась на месте; большой же камень со сталактитовым сводом его находится в кладке стены минарета в северо-западном углу мечети. Тот сводик, который принимался до сих пор за свод михраба, оказался сталактитовым сводиком от боковой ниши портала.

10. Сталактитовый сводик боковой ниши портала мечети.

Места, откуда происходят некоторые из обильных орнаментальных и профилированных фрагментов, найденных во время раскопок, остаются пока неопределенными, но наличие их вообще указывает на богатую декорировку скульптурной орнаментацией по камню, очень хорошей техники.

Местоположение окон остается пока невыясненным.

Следует еще остановиться на реконструкции пола, обычно легко разрешаемого, но довольно неясного в данном случае: расчистка мечети

¹ Очень близкая аналогия имеется в порталах Керван-серая „Султан-хан“ XIII в. близ Кони (Fr. Sagge, — Reise in Kleinasien, Berlin, 1896).

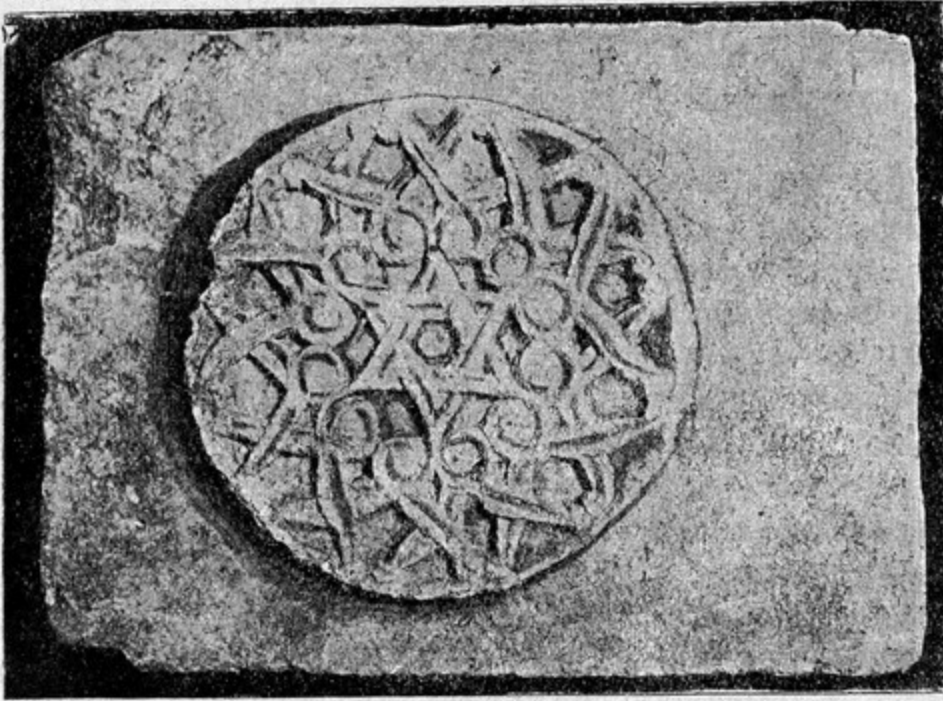
² См. сев-вост. портал Керван-серая „Султан-хан“ в Кони.

³ Очень близкая аналогия там же.

⁴ Ср. северный портал мечети Узбека в Старом Крыму (А. С. Башкиров. — Сельджукизм в древне-тат. искусстве, журнал „Крым“, № 2, 1926).

⁵ См. опять Султан-хан в Кони.

произведена до скалы, но никаких каменных плит пола не обнаружено. В одном месте под западной стеной обнаружен очень толстый крепкий глиняный настил пола с примесью какой-то серой рассыпчатой массы (зола?),¹ чем, видимо, разрешается вопрос о конструкции пола.

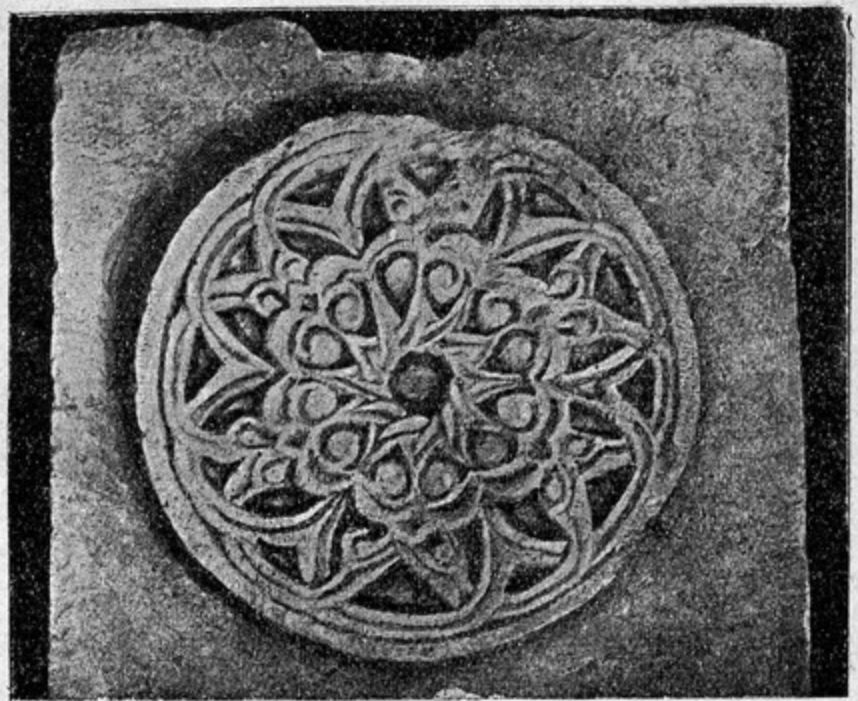
11. Высеченная розетка портала мечети.

3. Намечающаяся структура мечети дает все основания говорить о том, что памятник представляет исключительную ценность для изучения строительного искусства крымских татар, в связи с культурными и социально-экономическими взаимоотношениями тогдашнего золотоордынского государства с Малой Азией и другими странами мусульманского Востока.

4. Аналогия архитектурных форм и орнаментальных декораций вполне подтверждает датировку мечети XIV-ым веком.

5. Обнаружение мраморных ионическо-византийских капителей V—VI в.в. имеет большую историческую ценность для дальнейшего изучения Чуфут-Кале и напластований культур различных здесь обитавших народов.

В результате окончательной расчистки территории мечети удалось т. обр. выяснить целиком ее план и найти множество деталей сооружения, которые позволяют реконструировать минарет, портал, внутреннюю аркатуру и перекрытие мечети в том виде, в каком они были в XIV веке.

12. Высеченная розетка портала мечети.

¹ На месте оставлен контрольный участок этого настила.

² Стены первоначальной мечети переложены, видимо, гораздо позже, в периоде упадка монументального зодчества среди крымских татар.

Описанные раскопки мечети в Чуфут-Кале в 1928 и 29 гг. дают уже возможность сделать некоторые выводы:

1. Руины обследованного здания, несомненно, принадлежат мечети (кроме сказанного, ориентация здания на юг подтверждает это его назначение).

2. Камень северной стены с датой 746 г. х. (1346 г. н. э.) должен быть приписан мечети и относится к portalу первоначального здания ее.

Помимо работ по раскопкам мечети в 1929 г. произведена студентами-стажерами Веймарном и Чепелевым инструментально-топографическая съемка плато Чуфут-Кале с нанесением на план всех пещер, древних сооружений и улиц средневековой части крепости (рис. 13).

Присутствие в Чуфут-Кале или его ближайших окрестностях византийских памятников V—VI вв. и последующих в связи с имеющимися там монументальными крепостными стенами с аркой дотатарской кладки отчасти подтверждает мнение Бертье-Делагарда, который на основании обстоятельного изучения этого городища был уверен, что на месте нынешнего Чуфут-Кале, в средние века называвшегося „Кырк-иери“, или „Кырк-өрү“, в древности был город Фуллы.¹ Материал раскопок 1928—29 гг. далеко еще не подтверждает локализации Фулл, но выдвигает чрезвычайно интересный момент связи средневековых татарских сооружений с традициями византийской культуры и строительного искусства. Строители мечети XIV в. в „Кырк-иери“ использовали наиболее художественные и ценные части какого-то разрушающегося ко времени водворения татар в этих частях Крыма византийского храма.

История Чуфут-Кале тесно связана с общей историей Крыма и историей культуры народов разнообразного этнического состава, его заселявших. Археологическое изучение этого городища для нас имеет огромное значение, потому что памятники материальной культуры, таящиеся в недрах его, дают нам возможность ближе подойти к познанию культурных и экономических взаимоотношений средиземноморских народов с культурой и экономическими формами народов, пришедших из глубин Азии.

До перехода к татарам, т. е. до 1299 года,² крепость „Кырк-иери“ была в руках аланов. Народ этот принадлежал к сарматскому племени и появился на исторической арене в первые века нашей эры. В III веке они борются с римским империализмом в Малой Азии; в IV веке мы их видим в союзе с гуннами против вестготов, между Доном и Дунаем. Часть их во время великого движения народов на запад была оттеснена, видимо, в горы Тавриды, где позже обосновалась, при помощи Херсонеса, в качестве заслона от набегов кочевников на его пределы.³ В середине V века основная группа аланов в союзе с римлянами (Аэций), франками и вестготами участвует в борьбе против гуннов в Галлии.

По русским летописным сведениям, подтвержденным археологическими находками, аланы (асы—ясы) до X века обитали по всей южной Украине, в бассейне Дона и задонских степях. Упоминаются они⁴ лето-

13. Инструментально-топографическая съемка плато Чуфут-Кале в 1929 г.

¹ Бертье-Делагард — Исслед. некот. недоум. вопросов средневековья в Тавриде (Изв. Тавр. У. А. К. № 57).

² Родословная беев Яшлавских, Тизенгаузен — Сборн. матер. к ист. Золот. орды, стр. 112. Н. И. Веселовский — Хан из темников Золотой орды Ногай и его время, Петроград, 1922, Зап. Рос. Ак. Наук, стр. 46.

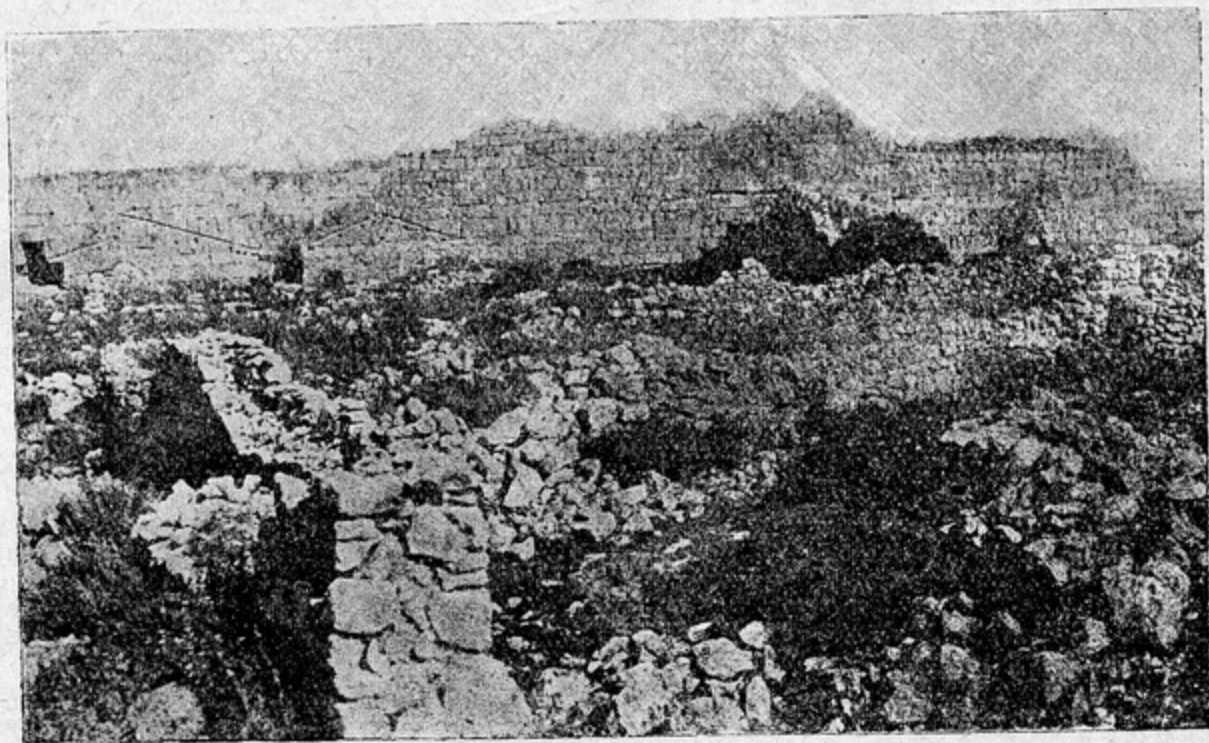
³ Епископ Феодор — Аланское послание (Зап. Од. о-ва и. и д., т. XXI). Селения Буюк-Ас и Кучук-Ас в Евпаторийских степях, несомненно, имеют связь с аланами (асами — ясами). А. И. Маркевич — Геогр. номенклатура Крыма (Изв. Тавр. о-ва ист., арх. и этн., т. II, 1928).

⁴ Ю. В. Готье — Ясы-Аланы в ранней русской истории (Изв. Тавр. о-ва и., а. и э., т. I (58)).

писями также в XII в. Арабские историки и путешественники XIII в. упоминают аланских купцов в г. Крыме, Кафе и Египте. Аланы были мужественными наездниками и стрелками; среди них были кузнецы, которые хорошо умели изготавливать латы (Вильгельм де-Рубрук).

По всему видно, что они с V до XIV в. в пределах южной Украины и в Тавриде играли крупную роль, как ближайшие соседи и союзники Херсонеса. Благодаря сношениям с последним, среди аланов, видимо, рано появились византийские миссионеры, торговцы, строительные мастера. Они постепенно втягиваются в сферу влияния средиземноморской культуры и начинают играть роль торгового посредника между Херсонесом, скотоводческими племенами на его северных рубежах и с X—XI в. Киевской Русью.

В V—VI в. в Крымской Алании, очевидно, был возведен византийский храм, как миссионерская пропагандистская база.

14. Древняя крепостная стена с восточной стороны.

При помощи византийских инженеров и строительных мастеров мог быть укреплен их город, в виде ныне существующей средней оборонительной стены в Чуфут-Кале. Благодаря этим укреплениям и, конечно, своему мужеству и приспособленности, аланы долго могли устоять против волн иранских, тюркских и монгольских кочевников вплоть до татар. Форпосты Византии—Херсонес (Сары-Кермен) и Кырк-иери могли продержаться только до 1299 г., когда под сильным напором многочисленных войск эмира Ногая, при золотоордынском хане Токта, должны были окончательно пасть.²

Спустя 46 лет после этого в Кырк-иери строится мечеть (1346 г.). Это древнейшая в южной части Тавриды опорная база мусульманской религиозной пропаганды, заменившей христианскую и шедшей из сельджукской столицы Кони в Малой Азии. К этому времени крепнут культурные и экономические связи золотоордынского государства и его Крымского улуса с мусульманским Востоком, благодаря оживлению тогдашних мировых торговых путей.

Наряду с туземным аланским, т. е. православным, населением

¹ Тизенгаузен—Сборн. материалов к истории Золотой орды.

² Родословная беев Яшлавских. Тизенгаузен. — Сборник матер. к ист. Золотой орды, стр. 112. Веселовский. — Хан из темников Золотой орды Ногай и его время. Петроград, 1922. Зап. Росс. Акад. Наук, стр. 46.

³ Арабский географ Абульфедя в 1321 г. (Geographie d'Abulfeda, trad. p. M. Reinaud 1848, Paris).

в Кырк-иери появляется мусульманская община, но так как мечеть строится внутри крепости, то эта община, повидимому, состояла гл. обр. из татарского гарнизона ее.

По всем данным с 1430-ых по 1460-ые годы здесь имел пребывание родоначальник крымских ханов Хаджи-Гирай¹ после перенесения столицы из г. Крыма. В прошлом 1928 году на плато Чуфут-Кале найден фрагмент плиты с именем этого хана² и, видимо, принадлежащим

к медресе, который, согласно турецко-татарским источникам, был построен здесь при нем.³

Кроме того, у южного склона Чуфут-Кале, на территории мусульманского „азиз“ Газы-Мансур найдены экспедицией надмогильные камни 1428—1438 гг., относящиеся ко времени правления этого хана.

Нам известны серебряные монеты Хаджи-Гирая, чеканенные в Кырк-иери с 1454 по 1462 г.⁴ Наряду с крепостью „Кырк-иери“, ставшей опорной базой молодого тогда, отколовшегося от Золотой орды Крымского юрта, в западной оконечности Бахчисарайской долины с середины XIV в. вырастает, быть может на развалинах христианского поселения,⁵ новый город „Кырк“, на месте нынешнего Эски-Юрта.

Раскопки музея в 1924 г. доказали существование здесь большого оседлого центра.⁶ До сих пор среди местного населения удержалось название некрополя этого города „Кырк-азизлер“, или „Кырклар“, что в переводе означает—святые Кырка, или Кырк-лар, где окончание „лар“ означает множественное число. Термин „Кырк“ (қырқ) здесь употребляется не в смысле „сорок“, а как название рода „Кырк“, который, повидимому, основал этот город и первоначально обитал в нем⁷. Есть основание думать, что при Хаджи-Гирае столица из г. Крыма была перенесена не в Бахчисарай, которого тогда еще не было, а в существовавший к этому времени г. Кырк, причем укрепленной цитаделью его была крепость „Кырк-иери“⁸.

Во 2-ой половине XV в. и начале XVI в. здесь была стратегическая база крымских военных сил, действовавших против разлагающейся Золотой орды, и при преемнике Хаджи-Гирая, его сыне Менгли-Гирае, здесь билась монета с надписью ضرب فرق یر чеканено в Кыркиери⁹.

15. Фрагмент с именем (Хадж)и (Ги)рай хан, сын Гыяс-Эд(дина).

¹ Ретовский.—К нумизматике Гираев (Изв. Тавр. У. А. К. № 19).

² Текст надписи см. ниже в статье О. Акчокраклы, там же надписи с Газы-Мансура.

³ Судя по тому, что фрагмент этот найден в 6 метрах от сев.-зап. угла мечети, можно предположить, что медресе могло быть построено рядом с мечетью. Медресе находились всегда под влиянием и контролем мусульманского духовенства и по традиции они возводились рядом с мечетями, что мы видим в Старом Крыму (мечеть-медресе Узбека нач. XIV в.).

⁴ Ретовский.—К нумизматике Гираев.

⁵ „Сказание священника Иакова“ (Зап. Од. О-ва и. и д. т. II) и Тунманн.

⁶ А. Башкиров и У. Боданинский — Крымско-тат. старина (журн. „Новый Восток“, № 8. Москва, 1925).

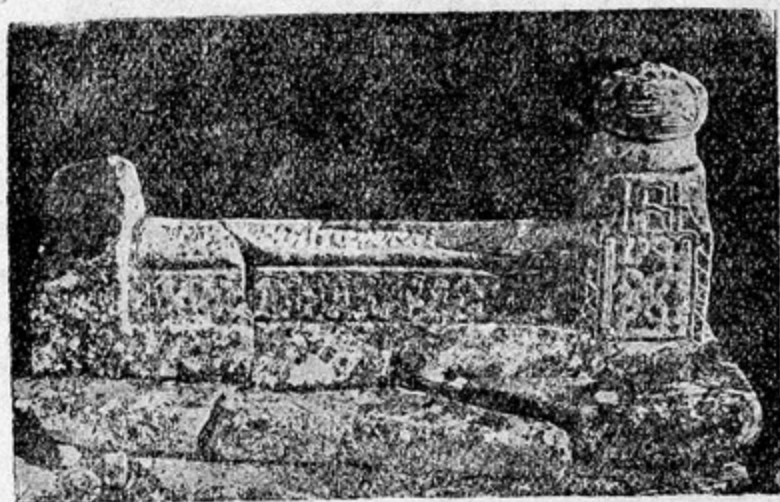
⁷ Среди тюркских племен есть племя „Кырк“; этим именем названо в Крыму несколько поселений в Евпаторийском, Феодосийском районах. Таким образом становится понятным „Кырк-иери“ или „Кырк-ору“—место (рода) Кырк, или укрепление, стремнина, ров (рода) Кырк.

⁸ В ярлыке Селямет-Гирая I 1317 г. х. (= 1608 г. х/э) Чуфут-Кале называется — верхняя крепость Кырк-иери. Ср. Н. Л. Эрнст.—Железн. двери Бахч. дворца, Изв. ТОИАЭ, г. II, 1928.

⁹ Ретовский.—К нумизматике Гираев.

С умиротворением Крымского юрта, упрочением правопорядка и переходом населения к оседлому быту, мирному труду, что совпадает с основанием новой столицы Бахче-Серая, Кырк-иери утрачивает свое стратегическое значение. Крымские власти, взамен его, приводят в порядок древний скифский ров и вал на Перекопском перешейке,¹ при помощи турецких инженеров строят здесь крепость „Ор-Капу“ (паланик Ферах-Керман, или Феркерман). Также укрепляется Ак-Манайский перешеек постройкой крепости „Рабат“, или Арабат, на месте соединения Арабатской стрелки с перешейком.

В XVII в. татары забрасывают крепость Кырк-иери и охрану ее поручают иудейской (караимской) общине, живущей там.²

16. Один из саркофагов на территории „Газы-Мансур“ первой половины XV в. у южного подножия Чуфут-Кале.

17. Средневековые крепостные сооружения в восточной части и восточного рога в „Ашлама-дере“.

В XVIII в., к моменту присоединения Крыма к России, в Чуфут-Кале остается только 200 караимских семейств,³ которые в половине XIX века совсем оставляют это место.

В наши дни Чуфут-Кале представляет собою мертвое городище с огромным количеством пещер в массиве нуммулитовых известняков на самом плато и на краю крутых его стремнин. Пещеры эти вырублены человеческой рукой для добычи камня, для жилья, хозяйственных и стратегических целей.

Вся территория городища, около 35 гектаров, усеяна, кроме запад-

¹ К е п п е н. — Крымский сборник, стр. 349.

² Ярлык Селямет-Гирая I 1608 г. (Сб. стар. грам. . . . изд. З. Фирковича). В переводе С. М. Шапшала есть неточность „قلعه ناك . حافظه سنده اولدفلاري ايچون“, охраняли, а не защищали.

³ Община еврейских сектантов, караимов, обитала в Кырк-иери (Чуфут-Кале), наряду с аланами, татарами, как ремесленники и торговцы. Целым рядом антропологических и исторических исследований караимов в течение XIX и XX в.в. устанавливается, что постоянное общение с иранскими и тюркскими народами, обитавшими с древних времен в Тавриде, послужило основанием к этническому смешению караимов с ними, особенно с теми группами этих народов, которые подпадали под влияние их религиозной пропаганды. Следствием этого послужило принятие караимами и тюркского языка, близкого по своим формам к кипчакскому наречию XIV в. В процессе археологических работ в Эски-Юрте и Старом Крыму найдены некоторые надгробные камни XIV в. с фрагментами древних форм тюркского языка, довольно близкого к формам языка современных нам караимов (см. ст. О. Акчокраклы о надписях в Ст. Крыму в наст. № Изв. Тавр. О-ва и., а. и э.). Физический тип караимов, их быт и характер — причудливое переплетение форм библейско-семитических со старо-тюркскими и частью иранскими: попадают, наряду с библейскими собственными именами персидские и тюркские (см. Ю. К о к и з о в — Сорок четыре надгробн. памятн. с караимск. кладб. в Чуфут-Кале, СПб. 1910, стр. 9).

ной части за валом, называемым „Куллюк“, сплошной массой руин домов, улиц и различных сооружений.¹

В последние годы неизменно увеличивающееся количество организованных образовательных экскурсий (свыше 6000 ч. в 1929 г.), посещающих Чуфут-Кале, указывает на то, что среди трудящихся масс и молодежи Советского Союза замечается живой интерес к этому памятнику крымской истории. Вместе с тем, растут и научные запросы этих масс, что обязывает Бахчисарайский музей, в ведении которого состоит Чуфут-Кале, проводить интенсивную плановую научно-исследовательскую работу по углубленному изучению городища. Из раскопанных памятников материальной культуры различных народов, оставивших здесь свои культурные следы, с соответствующим изучением исторического материала, методом современной науки необходимо построить здесь живой комплекс-маршрут, ярко иллюстрирующий культурные, экономические, социальные взаимоотношения народов и их классов на протяжении всего исторического пути этого места, и таким образом дать ответ на научные запросы масс трудящихся.

О. Акчокраклы

Эпиграфические находки

На Чуфут-Кале найден, в процессе наших работ, на протяжении 3-х лет с 1927—1929 г., целый ряд камней с различными надписями на арабском, старо-татарском и древне-еврейском языках. Кроме того, есть в различных местах на плато и в ближайших окрестностях Чуфут-Кале графические линейные изображения (тамги или знаки) на камнях и непосредственно нацарапанные в скале.

Среди надписей нам удалось найти камень в кладке северной стены руин мечети на плато с датой 746 г. х. (=1346 г.), который нами уже издавался² и дает датировку мечети.

Кроме того, около мечети среди груды камней найден фрагмент плиты, из известняка, с рельефной арабской надписью (рис. 15) с несомненным именем основателя династии крымских ханов Хаджи-Гири-хана, сына Гыяс-Эд-Дина. Об этом камне мы уже упоминали в своей статье („Новое из ист. Чуфут-Кале“), где однако в текст вкралась досадная ошибка: пропущено после слова „Гири“ слово „хан“, каковое является чрезвычайно важным для датировки фрагмента и целого периода истории городища (см. ниже текст надписи № 1).

При исследовании ближайших руин, примыкающих к развалинам мечети, нам удалось, недалеко от дурбе, обнаружить фрагмент другой плиты с датой 841 г. х. (=1437 г.) и с именем Джанике-ханым, дочери Токтамыш-хана.³ Судьба этой плиты нас интересовала давно: на старых фотографических снимках, снятых в 1880-ых годах, до ремонта дурбе, плита видна в кладке стены, над входом в него; но после ремонта, сильно изуродовавшего памятник, плита исчезла.⁴

¹ См. О. Акчокраклы.—Новое из истории Чуфут-Кале (Изв. Тавр. О-ва и., а. и э., т. II (59).

² О. Акчокраклы.—Новое из истории Чуфут-Кале (Изв. Тавр. О-ва и., а. и э., т. II (59); отд. отт. стр. 13—14).

³ См. там же.

⁴ См. „Отчеты Одесск. О-ва ист. и древн.“ 1887 г., от. III, стр. 10—11.

Таким образом, плита эта, на протяжении почти полувека, пролежала в земле, среди груды камней и ныне опять увидела свет.¹ Сильно фрагментированная надпись этой плиты, разобранный нами (рис. 18), имеет важное значение для датировки дурбе и вместе с этим для изучения целой эпохи Чуфут-Кале (см. ниже, надпись № 2). Многие ученые на протяжении XIX века ошибочно читали и цитировали эту надпись.²

Как на самом плато Чуфут-Кале, так и на его южных склонах и у подножия имеются следы старого татарского кладбища. На дне ущелья, у южной подошвы находится мусульманский „азис“ (могила святого) „Газы-Мансур“, в ограде которого имеется ряд каменных надгробий-

18. Плита с мавзолея Джанике, дочери Тохтамыша, найденная экспедицией.

саркофагов, типа памятников „Кырк-азизлер“ в Эски-Юрте,³ но относящихся к первой половине XV в. (время Хаджи-Гирая; рис. 16. Тексты № 3—6).

В тупике с восточной стороны караимской кенасы (храма) на плато Чуфут-Кале, в кладке стены, есть камень, на котором высечена древнееврейским квадратным шрифтом надпись (фрагмент) в три строчки, кроме того имеется ряд надписей в других местах плато, что лишний раз подтверждает пребывание здесь караимов, наряду с основными народами, здесь обитавшими и оставившими свои культурные следы (см. № 7—11).

В различных местах плато и окрестностей Чуфут-Кале, на скалах и камнях, попадаются во множестве различные высеченные знаки и тамги. Среди них встречаются уже знакомые нам формы.⁴ Большинство из них явно татарского происхождения, но есть знаки, являющиеся по своему началу древнееврейскими, как, напр., схематическое изображение семисвечника, или шестиконечной звезды (щит Давида). Заслуживает особого внимания знак с изображением, напоминающим вертикально по-

¹ Г. Тимошевский. — Прогулка в Кыркор. Газ. „Крым“ за 1888 г. № 39.

² Мурзакевич. — Бахчисарайские надписи (Зап. Одесск. О-ва ист. и древн., т. II, Одесса, 1850 г.). С. М. Шапшал в своей статье „Караимы и Чуфут-Кале“, СПб. 1896 г., стр. 20, повторил эту ошибку.

³ А. Башкиров и У. Боданинский. — Пам. крымско-тат. старины (журн. „Новый Восток“, № 8).

⁴ См. О. Акчокраклы. — Татарские тамги в Крыму (Труды Крымского пед. института, т. I, Симферополь, 1926).

ставленные вилы, и рядом нечто в роде изображения сердца (над большими воротами). Следы этой же тамги обнаружены на блоке, в кладке древней оборонительной стены, около средних ворот (рис. 19); тот же знак, только без сердца, изображен на скале, у входа в пещеру-цистерну (копка-кую),¹ и на надгробной плите, найденной в сентябре 1929 г. на южном склоне Чуфут-Кале, близ больших ворот. Эта тамга по всему играла здесь крупную роль и принадлежала, видимо, одному из народов, обитавших здесь. Нахождение части этой тамги (Y) на саркофаге, с арабскими надписями, указывает на то, что она принадлежала какому-то татарскому роду.² Мнение некоторых караимских ученых, приписывающих эту тамгу караимам, как начальные буквы: סלע עברית ת. סע — скала иудеев,³ видимо, является ошибочной.

Множество тамг явно татарского происхождения попадает по дороге между Чуфут-Кале и Бахчисараем.⁴

Все надписи в настоящей статье даются в текстах и переводах, а тамги—в отдельной таблице, с указанием места их нахождения.

В системе углубленного планового изучения Чуфут-Кале дальнейшие находки надписей и тамг дадут нам вспомогательный, а подчас и ориентировочный материал для последующих археологических изысканий по изучению культур различных групп народов, обитавших в этом месте в течение ряда веков.

Арабские надписи Чуфут-Кале:

Тексты:

1) . . . . ی . . . . برای خان بن غیاث
الد . . . .

2) هذه روضة الملكة المعظمة
جانمکه خانم بنت الخاق . . . .
المعظ . . . .
و قد توفيت في شهر رمضان الواقع
في عام احد و اربعين و ثمانمائه

Переводы:

. . . . и . . . ирай хан, сын
Гыяс-эд. . . .

Гробница великой царицы Джанике-ханым, дочери великого хакана (. . . . .⁵) скончалась в месяце Рамазана 841 г. (1437).

¹ См. О. Акчокраклы.—Новое из ист. Чуфут-Кале (стр. 4).

² У. Боданинский склонен полагать, что тамга эта могла принадлежать одной из ветвей рода „Кырк“, тем более, что близкий вариант этого знака, до второй половины XIX в., являлся тамгой дер. „Кырк-Чолпан“, в степях Евпаторийского района (см. О. Акчокраклы—Тат. тамги в Крыму).

³ „Караимская жизнь“, авг.—сент., кн. 3—4, Москва, 1911, стр. 114.

⁴ По объяснению мастеров-водопроводчиков, эти тамги являются ориентировочными знаками, указывающими линию городского водопровода.

⁵ В этом месте угол плиты разбит; по старым фотографиям, снятым до 1880-ых годов, и чтению Мурзакевича (II т. Зап. Од. о-ва и. и д.) значитя خان توقتمش Токтамыш-хан.

19. Тамга на блоке кладки древней оборонительной стены около арки.

Арабские надписи в ограде Газы-Мансур:

- 3) هذه الروضة المرحوم شيخ محمد
بن مولانا محمد بن موسى المامري (?)
تاريخ سكينز يوز قرق ايكي دا
- 4) هذه روضة المرحوم . . . . .
يوسف بن . . . . . العرمي (?)
التاريخ في شهر جمادى الاخر
سنة . . . . . و ثمانمائة
(?)
- 5) هذه الروضة المرحوم . . . . .
. . . . . ابن . . . . .
التاريخ من شهر جمادى الا . . . . .
سنة ثمانين . . . . . و ثمانمائة
- 6) هذه روضة المرحومة
صبرجان بنت يعقوب (?)
بن عيسى رحمهما الله تعالى
التاريخ في شهر صفر سنة
اثنين و ثلاثون و ثمانمائة

Могилა покойного шейха Му-
хаммеда, сына Мусы-эль. . . . (?)
842 г. (1438 г. х. э.).

Могила покойного . . . . .
Юсуфа, сына . . . . .
Эль-Крыми (?). Дата месяца Дже-
мади-эль-ахыр, в год . . . . .
восемьсот . . . . . (?)

Могила покойного . . . . .
. . . . . сына . . . . .
Дата—месяца Джемеди . . . . .
эль . . . . . года восемьсот . . . . .
восьмого.

Могила покойной Сабирджан,
дочери Якуба, (?) сына Исы, да
будет над нею мир божий.

Дата месяца Сафара, года 832.
(1428 г. х. э.)

Древне-еврейские надписи:

Тексты:

Переводы:

- 7) ברוך אתה בבוואך
וברוך אתה בצאתך
יעקב יעקב שע..
- 8) אבגד . . . . .
למסנזסעפ . . . . .
קרשת . . . . .
- 9) אפ-
- 10) צד

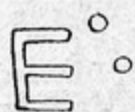
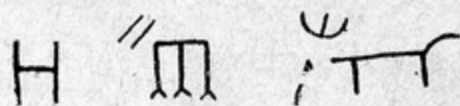
1) Благословен ты при входе своем и бла-
гословен ты при выходе твоём. Яков. Яков. Па-
мять справедливых да будет благословена (?).¹

2) Знаки др.-еврейского алфавита (высече-
ны на блоке каменной лестницы по средней
дороге на Бурунчак по правую сторону).²

3) Апи (женское имя)

4) Ч. Д.

Различные знаки и тамги:

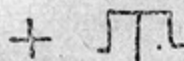
На обрыве скалы с во-
сточной стороны Чуфут-
Кале за большими воро-
тами на виду села Мангуш.

На камнях, в кладке средних
ворот.

На блоке в кладке средней
(древней) оборонительной стены,
у южной башни и „Хамам-коба“.

¹ 5 камней с такими надписями найдены в кладках стен разрушенных строений.

² Чтение и перевод древне-еврейских надписей принадлежат караимскому ученому Я. Б. Шамашу.

На блоках в кладке средней оборонительной стены с севера.

На блоках, в кладке средней оборонительной стены с востока.

У входа в пещеру, против здания музейного хранилища в Чуфут-Кале.

На различных камнях больших (восточных) ворот. Комбинация точек, пересекающая семисвечник (менора), напоминает расположение созвездия Большой Медведицы. Кроме того, в этой группе имеется еще знак „вилы и сердце“, уже известный.

1) У входа в цистерну под колодезем „Копка-кую“.

2) На саркофаге, с арабскими письменами, найденном на откосе у восточных ворот.

Эти знаки встречаются в разных местах, на блоках в кладке стен и на скалах, по дороге из Бахчисарая в Чуфут-Кале, по линии магистрали древнего городского водопровода, у домов в приходах: 1) Осман-ага, № 22, около фонтана; 2) Малич-ага, у пещеры (причем рядом с этим знаком высечено по-татарски (آد ۴), т. е. 4 шага); 3) Кадыр-эфенди, №№ 2, 4, 5; 4) Баба-курт д. № 1; 5) на скале, у южного склона Чуфут-Кале, на территории б. Успенского монастыря.

На мостовой, на дне ущелья, с южной стороны Чуфут-Кале у ворот кладбища „Газы-Мансур“ (за мостиком).

Раскопки палеолитической стоянки в Чокурчинском гроте у Симферополя

Информационное сообщение

В томе II „Известий Тавричesk. общества ист., археол. и этн.“ С. И. Забнин сообщал о произведенных им археологических разведках в гроте у дер. Чокурча в 2-х килом. от Симферополя, во время которых им обнаружена наличие в этом гроте четвертичного слоя с костями животных соответствующей фауны и кремневыми орудиями, отнесенными им к поздней поре Мустьерской эпохи древнего каменного периода.

Летом 1928-го и нынешнего 1929-го года на основании указанных разведок были произведены систематические раскопки Крымским научно-исследовательским институтом на средства Главнауки РСФСР под руководством Н. Л. Эрнста, П. А. Двойченко и С. И. Забнина. Раскопано все пространство грота (оставлен лишь контрольный участок), значительная часть площадки перед гротом, и начато проведение траншеи по склону вниз в долину речки Малого Салгира.

Выяснилась следующая стратиграфия наслоений в гроте и вне его. Вверху лежал современный слой (I), преимущественно серо-черный, состоящий из гумуса, золы, овечьего помета, углей, с прослойками наносного щебня и камней. По найденным остаткам материальной культуры его можно разделить на несколько горизонтов: татарский, средневековый греческий, скифский (поздне-скифский), бронзового века. К скифскому горизонту относятся несколько обнаруженных в гроте погребений, опущенных из этого горизонта в палеолитический слой и сопровождавшихся предметами неапольского типа, римской эпохи. Ниже этого современного (в геологическом смысле) слоя лежали наслоения четвертичные, состоящие из желтой щебневой глины с богатой примесью обвалившихся обломков известняка и продуктов их разложения. Внутри грота была возможность разделять это залегание на три слоя (II, III, IV), благодаря наличности здесь двух тонких плотных сероватых туфообразных прослоек. Вне грота эти прослойки исчезали, и залегал однообразный четвертичный слой. Еще ниже лежал тонкий белый слой известнякового щебня, налегавший непосредственно на скалистое дно пещеры.

В этих четвертичных слоях найдено большое количество костей животных. По предварительному поверхностному полевому определению имеются следующие виды: мамонт, носорог, гигантский олень, первобытный бык, лошадь, пещерный медведь, пещерная гиена, антилопа-сайга, лисицеобразные и др. По количеству больше всего встречено костей мамонта, лошади, сайги и пещерной гиены. Последняя отмечена кроме костей также огромным количеством копролитов, особенно в слое II внутри грота, лежавших целыми залежами. Какой-либо разницы в фауне между разными четвертичными слоями не наблюдается.

Во всех этих четвертичных наслоениях обнаружены богатые следы пребывания здесь палеолитического человека. Большинство упомянутых

костей животных принесено сюда несомненно им. Встречено также немало обгорелых костей. Многочисленные следы костров обнаружены в IV-м слое, т. е. в самом нижнем четвертичном, преимущественно под площадкой вне грота. В вышележащих четвертичных слоях (III-м и II-м) следы костров лишь спорадические; видимо, в эпоху их образования пещера посещалась людьми только изредка; тем больше в них следов пребывания гиены. Об этом же говорит факт нахождения в слоях III и II только готовых кремневых орудий при почти полном отсутствии осколков, в то время как нижний, IV-й, слой дал наряду с готовыми орудиями также обильные осколки кремня, остатки от изготовления здесь кремневых орудий. Нуклеусов не найдено совсем.

Количество найденных в Чокурчинской стоянке кремневых орудий велико, около 500 экз. Они изготовлены из однообразного темносерого, почти черного кремня; лишь немногие имеют патину. Размеры их варьируют, встречаются и довольно крупные. По типам они делятся на скребла и остроконечники. Среди первых имеются скребла с прямым, вогнутым и выпуклым лезвием и с двумя лезвиями. Остроконечники имеют разные формы в зависимости от соотношения длины и ширины и делятся на односторонне обработанные (т. е. только на спинке) и двусторонне обработанные (на спинке и на брюшке). Многие экземпляры последней группы представляют собою, несомненно, пережиточные формы ашельского ручного рубила. Среди остроконечников необходимо отметить также асимметричную, как бы клювовидную форму—одно лезвие прямое, другое выпуклое.

Этот обзор орудий показывает явно, что мы имеем в Чокурчинской стоянке дело с культурой Мустьерской эпохи. Однако, анализ кремневой индустрии Чокурчи не выявляет точного совпадения с какой-либо из известных стоянок этой эпохи во Франции. Видимо, здесь налицо какая-то восточно-европейская разновидность Мустьерской культуры, характеризующаяся, с одной стороны, присутствием старых Ашельских традиций в виде ручных рубил и двухсторонне обработанных остроконечников и наличием, с другой стороны, признаков позднего Мустье в виде односторонне обработанных орудий, нередко сделанных из хорошо отколотых пластин. Особо примечательной чертой Чокурчинской стоянки являются найденные в нескольких экземплярах костяные остря. Какой-либо разницы в культуре между разными палеолитическими слоями этой стоянки мы не усматриваем.

Из обнаруженных на территории СССР палеолитических стоянок ближе всего по индустрии к стоянке Чокурча подходят—верхний слой пещеры Киик-коба (в 20 кил. к востоку от Чокурчи) и Ильская стоянка на Кубани. Эти три стоянки являются древнейшими следами пребывания человека на территории Союза (самый древний—нижний слой пещеры Киик-коба).

Последний, недавний этап раскопок Чокурчинского грота в 1929 г. имел целью проведение траншеи с площадки перед гротом вниз по склону к долине для прослеживания выхода четвертичного слоя в долину в речные отложения ручья Малого Салгира. При проведении этой траншеи обнаружилось рядом с огромным свалившимся некогда сверху обломком скалы (и под ним) огромное скопление костей мамонтов—бивни, отдельные зубы, нижние челюсти, верхние челюсти с прилегающими частями головы, тазовые кости, бедренные кости, несколько позвонков, в общем от не менее 6 экземпляров мамонтов. Черепа все пробиты, трубчатые кости расколоты; налицо исключительно кости головные и тазо-бедренные. Кости лежали беспорядочной грудой прямо на поверхности темного IV-го слоя, имеющего здесь особенно интенсивные следы костров. Видимо, скопление костей нужно понимать как запас пищи или место свалки ненужных костей, оставленных мустьерскими людьми, жив-

шими на поверхности IV-го слоя и его создавшими; запас этот был завален рухнувшим сверху обломком скалы, вследствие чего сохранился и не был растаскан людьми и пещерными гиенами. Одна кость лежала на камне приблизительно формы прямоугольного блока с вогнутой верхней поверхностью; камень служил несомненно наковальней для разбивания костей, а вогнутость получилась от продолжительного употребления для этой цели.

Из-за задержки, связанной с указанными находками, проведение траншеи из пещеры в долину не закончено. Все же констатировано, что четвертичный слой спускается по склону откоса к дну долины, давая находки фауны и кремневых орудий, вполне аналогичные находкам в гроте и на площадке перед ним.

Значительная часть самой площадки также еще не раскопана. Дальнейшие раскопки Чокурчинского грота должны еще разрешить целый ряд проблем гл. обр. геологического порядка и дать еще богатый палеозоологический и палеоэтнологический материал.

Отчет

о деятельности Таврического общества истории, археологии и этнографии за 1928 г.

В отчетном году Общество продолжало, согласно § 2 своего устава, свою научную работу по изучению истории, древностей и быта народов Крыма.

I. В области научно-исследовательской работы в отчетном году состоялось 13 научных заседаний Общества, в которых 19 членами О-ва было прочитано 28 докладов. Подавляющее большинство их было посвящено вопросам истории, археологии и этнографии Крыма, а именно:

а) из области истории Крыма были прочитаны доклады: 1) И. П. Козловский, Тмуторокань, 2) С. Ф. Платонов, Пушкин и Крым, 3) Н. К. Гудзий, К цензурной истории Севастопольских рассказов Толстого, 4) А. И. Маркевич, Толстой в Крыму;

б) изучению крымской археологии были посвящены доклады: 1) А. И. Маркевич, Судьба коллекций Бертье-Делагарда, 2) А. В. Муралевич, К нумизматике Гиреев, 3) В. А. Городцов, Мезолитическая стоянка в пещере Киик-коба, 4) С. И. Забнин, Новая палеолитическая стоянка в Крыму, 5) Ю. Ю. Марти, Городища Боспорского царства к югу от Керчи, 6) А. И. Маркевич, Археологические исследования в Крыму в 1928 г. в области античности и средневековья, 7) А. И. Полканов, Археологические раскопки в 1928 г. в Судаке, 8) Н. Л. Эрнст, Археологические раскопки в Крыму в 1928 г. в области доистории и татарских древностей, 9) А. И. Полканов, Археологические разведки в окрестностях Судака, 10) Г. А. Бонч-Осмоловский и Н. Л. Эрнст, Хронология Крымского палеолита, 11) О. Акчокраклы, Эпиграфические новости 1928 г. из Старого Крыма, 12) Н. Л. Эрнст, Раскопки медресе в Старом Крыму, 13) С. Н. Бибииков, Разведки в области каменного века;

в) изучению быта татар и меньшинств Крыма, а также общим вопросам ориенталистики были посвящены доклады: 1) В. И. Филоненко, К вопросу о происхождении и значении слова „тат“, 2) А. А. Соколов, Происхождение слова „челеби“, 3) А. А. Соколов, Толстой и восток, 4) А. А. Соколов, Коран и каббала, 5) В. И. Филоненко, Памяти проф. Медникова, 6) С. С. Синани, О крымских караимах;

г) общим вопросам и очередным юбилейным датам были посвящены доклады: 1) Н. Л. Эрнст, III-я конференция по краеведению в Москве, 2) Е. В. Петухов, Из интимной жизни Достоевского, 3) А. И. Маркевич, Толстой, как историк, 4) В. И. Филоненко, 9-е сентября 1928 г. в Ясной Поляне, 5) Н. К. Бауман, Чернышевский, как революционер, 6) Л. В. Жирицкий, Литературная деятельность Чернышевского.

Все доклады, читанные на заседаниях Общества, вызвали оживленное обсуждение, выяснявшее новые точки зрения и новые данные.

Заседания посещались большим числом членов Общества (в среднем 21 чел.) и многочисленными гражданами, не состоящими членами Общества, гл. обр. из числа педагогов и учащихся.

Общество, как и в прошлые годы, ввиду недостатка средств, не имело возможности организовывать собственные научно-исследовательские экспедиции. Однако, члены Общества в отчетном году вели усиленную краеведческую исследовательскую работу по изучению прошлого Крыма и быта его народов. Так, председатель Общества А. И. Маркевич работал над изучением истории Крыма в XVIII и XIX в.в. по архивным материалам, а также над пополнением изданной им в 1901 г. библиографии по крымоведению в целях ее переиздания. Ряд членов О-ва вел энергичную археологическую работу в Крыму. Так, секретарь О-ва Н. Л. Эрнст произвел совместно с чл. О-ва П. А. Двойченко и С. И. Забниным раскопки палеолитической пещерной стоянки у Симферополя, а совместно с чл. О-ва У. Боданинским, О. Акчокраклы и П. И. Голландским раскопки татарских древностей в Старом Крыму и работал над составлением археологической карты Крыма. Чл. О-ва У. Боданинский и О. Акчокраклы произвели раскопки татарских древностей в Чуфут-Кале. Чл. О-ва Ю. Ю. Марти продолжал разведки и раскопки городищ Боспорского царства, в частности Китэя. Чл. О-ва К. Э. Гриневиц производил раскопки в Херсонесе, а чл. О-ва Н. И. Репников на Гераклейском полуострове и на Эски-Кермене. Г. А. Бонч-Осмоловский продолжал раскопки палеолита в Сюреньской пещере. А. И. Полканов вел археологические разведки у Судака. Ю. В. Готье, Н. Д. Протасов, М. А. Тиханова-Клименко, Е. Ч. Скржинская вели раскопки и разведки в Судакской крепости, Н. С. Барсамов—разведки в Феодосийском районе, С. Н. Бибилов—разведки палеолита в дол. р. Альмы. Ряд чл. О-ва, тов. председ. В. И. Филоненко и члены О. Акчокраклы, У. Боданинский, А. А. Соколов, Я. Кемаль, П. Я. Чепурина, А. Я. Исхакова занимались изучением этнографии крымских народов, особенно татар, и вообще вопросами ориенталистики, а чл. О-ва Д. С. Спиридонов изучал язык и народное творчество крымских греков в Мариупольском округе.

В отчетом году О-во благодаря субсидии Главнауки РСФСР имело счастливую возможность издать II-й том своих „Известий“, который напечатало в объеме 12 печат. листов в составе 20 научных статей своих членов, докладывавшихся на заседаниях О-ва, с 50 иллюстр. К сожалению, наличных средств О-ва далеко недостаточно для удовлетворения его издательских потребностей: в портфеле его имеется готовых к печати трудов не менее, чем на 3—4 тома.

II. В области связи с центральными руководящими научными учреждениями О-во в отчетном году имело тесные сношения с учреждениями, руководящими научной краеведческой работой: с Главнаукой РСФСР, в ведении которой оно состоит и от которой получает субсидию, с Академией наук СССР, с Академией ист. мат. культ. и с Центр. бюро краевед. Из области этой связи необходимо отметить участие О-ва в намечении кандидатов в члены Академии наук СССР. О-во было одним из инициаторов и активных участников Конференций археологов СССР в Керчи и Херсонесе в 1926 и 1927 гг., где при его ближайшем участии зародилась и оформилась мысль о созыве Всесоюзного археологического съезда. В отчетном году мысль эта приобрела конкретные организационные формы в виде учреждения Подготовительного комитета РСФСР, в который вошли председатель и секретарь О-ва и ряд его членов. В Крыму же при ближайшем участии О-ва был создан Крымский комитет содействия археолог. съезду, весь научный состав которого образован из членов О-ва.

III. В области связи с местными крымскими краеведческими организациями, а также госорганами, общественными

организациями и широкой общественностью О-во с удовлетворением констатирует усиление его связи с Кр.НКПросом, который обращался к О-ву за заключениями и экспертизой в научных и организационных вопросах. Общество надеется, что связь эта в дальнейшем будет усиливаться. С сожалением О-во констатирует малую связь с партийными организациями. Попрежнему О-во поддерживало связи с Крымпланом, Крымстатбюро, Крымцентрархивом, особенно же тесные с Центральным музеем Тавриды и Крымпединститутом; далее с Крымск. научно-исслед. институтом, Кр. о-вом естествоисп., О-вом по изучению Крыма (ОПИК) и его отделениями и с крымскими музеями: Херсонесским, Керченским, Бахчисарайским, Ялтинским восточным, Евпаторийским и Феодосийским и с преподавателями-обществоведами местных школ II ступени. Основной актив местных членов О-ва состоит из работников перечисленных учреждений. Упрочилась также связь О-ва с общественностью наименьшинств Крыма, особенно с татарской, караимской и крымчакской. Тесную связь О-во поддерживало также с учащимися Крымпединститута и школ II ступени, многочисленные представители которых принимали участие в заседаниях О-ва и в исследовательской работе его членов.

IV. Личный состав О-ва за истекший год был следующим. Президиум состоял из председателя А. И. Маркевича, тов. председателя В. И. Филоненко, секретаря Н. Л. Эрнста, казначея О. Акчокраклы, библиотекаря П. В. Никольского. Число почетных членов О-ва было к началу года 13, выбыло за смертью 2, избран новый 1, к концу года было 12. Число действительных членов местных было к началу года 72, избрано новых 4. Действительных членов иногородних было к началу года 88, избрано новых 14. Общество, как и вся археологическая и историческая наука, понесло за истекший год тяжелую утрату за смертью своих почетных членов акад. Ф. И. Успенского и проф. Б. В. Фармаковского, труды которых были теснейшим образом связаны с Крымом, и действ. члена Б. Л. Модзалевского. Общество с удовлетворением отметило за отчетный год ряд юбилейных дат деятельности своих членов: проф. В. А. Городцова, проф. И. Н. Бороздина, Н. И. Репникова, проф. А. М. Лукьяненко, А. А. Иванова.

Заседаний президиума за отчетный год было 5, посвященных главным образом организационным вопросам, особенно связанным с изданием т. II „Известий“.

V. Библиотека О-ва, помещающаяся попрежнему в здании Ц. музея Тавриды, продолжала пополняться новыми поступлениями гл. обр. в порядке обмена с научными учреждениями столиц и др. научных центров.

Председатель А. И. Маркевич.

Секретарь Н. Л. Эрнст.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
О задачах „Известий Таврич. Общества истории, археологии и этнографии“	III
Акад. А. И. Соболевский Топонимические заметки	1
А. И. Маркевич, К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя	4
Н. Л. Эрнст, Эски-Кермен и пещерные города Крыма	15
А. И. Полканов, К вопросу о конце Тмутороканского княжества	44
Акад. А. Н. Самойлович, Объяснено ли название „Крым“	61
К. Э. Гриневич, Рост территории древнего Херсонеса	63
В. Ф. Смолин, К вопросу об источниках Страбона к Боспорскому царству	66
П. Я. Чепурина, Орнаментное тканье крымских татар	72
З. Ш. Навширванов, Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в Крыму	78
Б. Д. Греков, „Повесть временных лет“ о походе Владимира на Корсунь	99
А. И. Маркевич, П. А. Вяземский и Крым (к 50-летию его смерти)	113
Ю. Ю. Марти, Раскопки городища Китэя в 1928 г.	116
Л. Новикова, Могильник на горе Болван в Судакe	131
В. И. Филоненко, „Аталар-созы“. Караимские пословицы и поговорки	138
О. Акчокраклы, Старо-Крымские надписи (по раскопкам 1928 г.)	152
В. Г. Опалов, В. Я. Брюсов в Крыму (к 5-летию его смерти)	160
Н. С. Барсамов, Археологические раскопки в Отузах 1927 и 1928 гг.	165
У. А. Боданинский, Б. Н. Засыпкин и О. Акчокраклы, Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928—29 гг.)	170
Н. Л. Эрнст, Раскопки палеолитической стоянки в Чокурчинском гроте у Симферополя (информация)	188
Отчет о деятельности Таврич. О-ва ист., арх. и этн. за 1928 г.	191